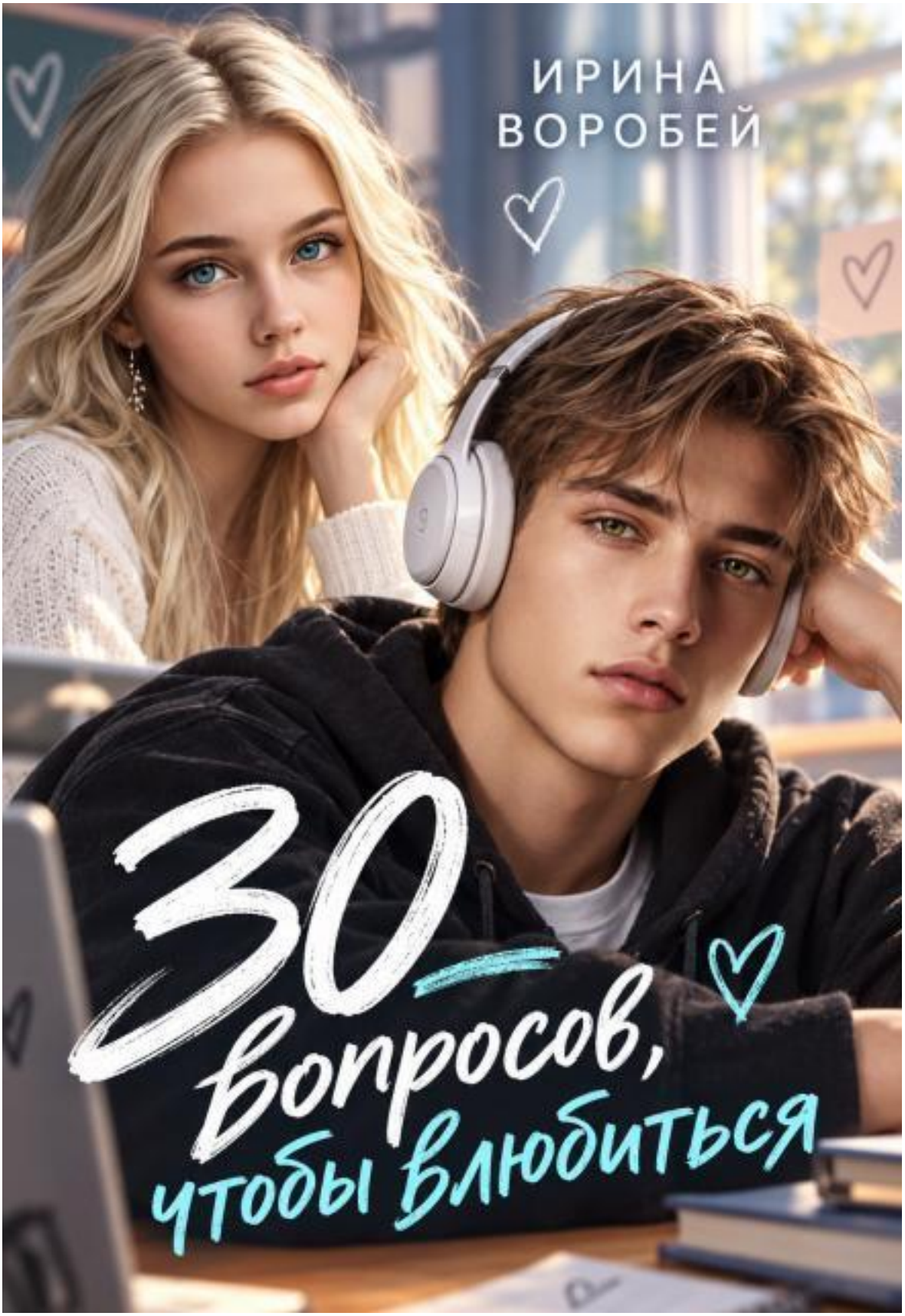

ИРИНА
ВОРОБЕЙ
30 вопросов, чтобы влюбиться

Ирина Воробей

30 вопросов, чтобы влюбиться

«Литнет»
2025

Воробей И.

30 вопросов, чтобы влюбиться / И. Воробей — «Литнет», 2025

За Бархатовым, школьным диджеем, бегают все девчонки, даже красавица всея гимназии Коростылева Анжелика. Она случайно раскрывает мой секрет и заставляет заполнить анкету о Бархатове из тридцати вопросов: от даты рождения до заветной мечты. Несмотря на его манию величия, я соглашаюсь на сделку, иначе меня ждет вечный позор. И первым о нем узнает Валентин, любовь всей моей жизни.# отличный парень с маленькой манией величия # обычная девчонка с маленькими комплексами # немного юмора # немного драмы # подростки # буллинг # глубокие чувства # легкая романтика # эмоционально # любовь и дружбаСледующая книга цикла:Спасибо, что заглянули Всем приятного чтения! Всегда рада вашим звездам и комментариям Подписывайтесь на новинки - будут еще истории

© Воробей И., 2025
© Литнет, 2025

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 9
Глава 3 14
Глава 4 19
Глава 5 21
Глава 6 25
Глава 7 28
Глава 8 32
Глава 9 37
Глава 10 41
Глава 11 46
Глава 12 49
Глава 13 53
Глава 14 57
Глава 15 63
Глава 16 70
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Пролог

– Что за… кринж? – слышу от двери.

Блииин!

Оборачиваюсь и подпрыгиваю на месте. Бархатов передо мной во плоти. Морщит лицо в отвращении и протягивает долгое «эээ». А я немею. Буквально голос пропадает, и все тело цепенеет.

Капец я везучая!

Так и хочется взорваться, но у меня только пульс подскакивает. Сердце бешено бьется о ребра, аж грудная клетка трещит.

Какой стыыыыд…

– Зачем ты нюхаешь мои кроссовки? – выдает Бархатов, отойдя от шока. Лицо становится ровным, но морщинка на переносице не разглаживается до конца.

– Я их не нюхала! – отскакиваю к окну. – Я все сейчас объясню…

А у самой в голове перекати-поле. Причем такое безмятежное, будто ситуация вовсе не аховая. Мозг в самый нужный момент отключился. Только сердце работает, как заведенное, почти жужжит от невыносимого ритма. Ладони уже мокрые. И по позвоночнику стекает неприятный холодок. Кажется, я такой стыд не испытывала, даже когда Анжелика застукала меня с силиконом.

Бархатов склоняет голову набок. На его висках и шее блестит пот. Белая майка оголяет упругие плечи и мускулистые руки полностью. Они жилистые, схватят – не отпустят явно.

– Что ты вообще делаешь в мужской раздевалке? И ты не из нашего класса.

Он движется на меня, а я упираюсь в подоконник и дрожу, прижимая кроссовок к груди. Ожидаю его приближения, как неизбежной кары. Но глаза закрыть не могу, даже не моргаю, таращусь на него всем своим страхом.

– Ты вроде с моей сестрой в драмкружок ходишь, не? – Бархатов сужает взгляд и останавливается в целом шаге от меня. Руки к моей шее вроде не тянет.

Я медленно киваю и сухо сглатываю. Он меня знает?

В эту секунду в раздевалку заваливается целая толпа парней. Мокрые от пота, разгоряченные, они обсуждают прошедшую игру, но видят мое испуганное лицо и застывают. Все как один замолкают и застревают в проеме.

Бархатов оборачивается. Я хлопаю ресницами.

– Па-а-ардон, – первым не выдерживает Дегтярев и плохо скрывает смех, впечатывая подбородок в шею.

– Вот куда ты убежал, окаца, – вскрикивает кто-то из толпы. – С девушкой уединиться.

Уши у меня еще минуту назад сгорели, поэтому сейчас я просто остываю. А у Бархатова они краснеют, как и щеки.

Он не отвечает на смешки, переводит суровый взгляд на меня и, схватив за локоть, выводит из раздевалки. Парни перед нами расступаются, как воды Красного моря перед Моисеем. Сразу несколько одобрительно свистят вслед, а потом разражаются гоготом, когда мы заворачиваем на пожарную лестницу.

Здесь никого нет, зато холодно. Свежий ветер – самое то сейчас. Я чуть не задохнулась. От стыда, от смущения, от страха и от духоты. На Бархатова боюсь поднимать взгляд, потому что до сих пор не придумала разумного объяснения своему поступку.

Господи, нюхать чужие кроссовки – как это вообще объяснить? Реально, кринж.

АННОТАЦИЯ

За Бархатовым, школьным диджеем, бегают все девчонки, даже красавица всея гимназия Коростылева Анжелика. Она случайно раскрывает мой секрет и заставляет заполнить анкету о Бархатове из тридцати вопросов: от даты рождения до заветной мечты. Несмотря на его манию величия, я соглашаюсь на сделку, иначе меня ждет вечный позор. И первым о нем узнает Валентин, любовь всей моей жизни.

отличный парень с маленькой манией величия # обычная девчонка с маленькими комплексами # немного юмора # немного драмы # подростки # буллинг # глубокие чувства # легкая романтика # эмоционально # любовь и дружба # первая любовь # школьная романтика # популярный парень

Спасибо, что заглянули! Надеюсь, вы задержитесь в этой истории, и она вас затянет ;)) Приятного чтения!

Глава 1

У меня два секрета. И один из них раскрыт. Да еще кем, Анжеликой Коростылевой, первой красавицей всея гимназия и звездой нашего драмкружка.

– Чтооо?! – хохочет она, запрокинув голову.

Утешает, что мы в гримерке остались вдвоем. Хочется верить, мне еще повезло.

Надо же было так оплошать. Я ведь всегда осторожна, перестраховываюсь на триста процентов. А тут… поторопилась и неудачно захватила накидку вместе с бюстгальтером.

Я специально ношу нейлоновые бра, которые прилегают к телу плотно, чтобы таких казусов не возникало.

Блииин!

Не успеваю наклониться за выпавшим силиконом, как чувствую на себе бесстыжий взгляд видеокамеры. Коростылева не растерялась – уже фиксирует мой обман. Наверное, я выгляжу зашуганным поросенком, такая же неуклюжая, беспомощная и розовая от стыда. Только визгнуть не хватало для полного соответствия образу. Но я молчу, потому что не могу из себя выдавить ни звука.

– Ничего себе ты, Палкина. Сиськи себе наклеиваешь? – Анжелика почти кричит, одновременно хихикая, чем заставляет меня тянуться к полу сильнее.

Я и так на корточках. От смущения даже подняться не могу и прижимаю к груди костюм. Кровь бурлит, аж страшно, что просочится из пор. И сердце ходуном ходит. Что б меня! Провалиться бы…

– Какое недоразумение, – Анжелика поднимается, и ее сценическое платье спадает на пол, открывая налитую грудь в хлопковом бандо. Она выглядит упругой и идеально сформированной.

Красавица нарочно добивает меня своей привлекательностью, то есть моей никчемностью по сравнению с ней. У нее фигура стройная, как песочные часы, шевелюра сочная, как шоколад, черты лица все выразительные, как эталонный портрет.

Всегда после взгляда на эту красотку хочется замазать зеркало. Мне приходится лицо себе каждое утро буквально заново рисовать. А то брови бесцветные. И ресницы короткие, едва заметные, потому что белые. И волосы такие же, вдобавок тонкие. Природа явно хотела сделать меня невидимкой, а получилось, что получилось: низкая, тощая, бледная. Мне только призраков играть. Жаль, мало в наших спектаклях таких персонажей. Так бы я тоже стала звездой, чисто за счет амплуа.

Коростылевой не понять моей боли. Она давно щеголяет буферами. А у меня – два опухших соска. Конечно, приходится прибегать к искусственной красоте, раз естественной не дано. Так мальчишки хотя бы стали понимать, что я тоже девушка.

Да, Валентин, как не обращал на меня внимания, так и не обращает. Не помогают мне ни высоченные каблуки, ни мини-юбки, ни макияж. И даже дурацкие начесы, которые я заставляю себя делать каждое утро по полчаса. Но… Хотя бы перед девчонками не так стыдно, можно белье с ними обсудить. И то, как это непривычно, когда что-то выпирает.

Впрочем, болит моя отсутствующая грудь порой так, что я очень сильно ее чувствую. Не вижу, но ощущаю, а другим этого не объяснишь, приходится показывать.

Жуть, как паршиво. Неужели Анжелика всем расскажет? Валентин со мной тогда вообще перестанет общаться. Все, кажись, моя вселенная схлопнулась.

– Не выдавай меня никому, пожалуйста, – пищу я в отчаянии. Терять уже нечего. Жмурюсь зачем-то, но открываю глаз на проверку. Бить меня вроде никто не собирается.

Анжелика хмыкает и скрещивает руки под грудью. Она высокая и спортивная. Все мышцы четко проглядывают из-под смуглой кожи. Меня каждый раз берет завида, даже сейчас, когда я раскрываю глаза, преодолев страх.

– Если сделаешь для меня кое-что, – в карих глазах мелькает коварство. Мне не нравится эта ухмылка, но я слушаю и даже нахожу в себе силы подняться, чтобы посмотреть ей в лицо. – Раздобудь мне всю инфу про Бархатова. Хочу знать: что любит, чем увлекается помимо музыки, с кем проводит свободное время, куда планирует поступать.

В голове сразу вихрь мыслей.

Бархатов? Слава? Из одиннадцатого «В»? Который диджеит на всех дискотеках? Брат Ксюни из нашего кружка? Она в своем уме? Как? Что? Зачем?

– Я? Про Бархатова? Все? – ахаю. Смущение пропадает. Удивление его затмевает. Накидка валится на пол, а силикон я сжимаю.

– Да, – Анжелика слепит меня белоснежным оскалом. – Вы же с его сестрой типа подружки. Можешь начать с нее.

– И что тебе это даст? – хмурю брови, а в голове уже кружат идеи, как такую просьбу вообще выполнить.

– Как что? Нравится он мне. Хочу тоже ему понравиться.

– Но… при чем здесь…

Коростылева не дает мне договорить, откидывает волосы назад обиженно и надувает губки.

– Этот тугодум ваще не понимает намеков. А в лоб подкатывать не комильфо, – легким взмахом ноги она подкидывает платье, хватает его рукой и уходит к шкафам. – Я пришлю список вопросов, ответы на которые тебе надо разузнать. Сделаешь, я удалю видео и никому ничего не расскажу.

– Но… как? – вырывается из меня возмущение.

Мы с Ксюней не то чтобы прям подружки. Мы общаемся-то исключительно в кружке. Она на класс младше и вообще вечно хмурая. С такой не особо подружишься. И тем более сразу о брате расспрашивать… Что она подумает?

– Ну, ты же понимаешь, это уже не моя проблема, – Анжелика припечатывает меня взглядом к невидимой расстрельной стене. Прям Сталинский взгляд – аж холодок по коже. – Можешь отказаться. Тогда мы с Валей от души посмеемся.

Неужели и второй мой секрет раскрыт? Как она догадалась? Я же вроде шифруюсь неплохо. Все так очевидно?

Сердце – в пятки. Раз, два, три, четыре, пять… Вдох-выдох.

Ладно, хотя бы мозги на месте. Позора надо избежать любой ценой. Перед Ксюней и ее братом не так стремно, как перед Валентином. Была не была.

И я соглашаюсь на сделку.

***

Рада приветствовать вас на страницах этой книги! Она будет легкой, романтичной, иногда смешной, иногда серьезной. Надеюсь, вам понравится!

*Добавляйте книгу в библиотеку, ставьте звездочки, делитесь мнением по мере чтения - для меня это очень ценно ^__^*

Благодарю за вашу поддержу##

Визуалыможно посмотреть в моем ТГ (ссылка есть в разделе "Обо мне")

Глава 2

После третьего урока я бегу в столовую со всех ног, чтобы занять очередь. Большая перемена – полшколы стягивается поесть. В этот раз мне везет. Кабинет литературы на первом этаже, неподалеку. Я быстро прибегаю и становлюсь всего лишь пятой. Даже беспокоюсь, успеют ли подтянуться Анжелика, Валентин и другие, а то придется пропускать.

Но очередь ползет медленно. Три первые девчонки долго думают, что выбрать из комплексных обедов. И у меня появляется время пораскинуть мозгами.

В Анжеликином списке целых тридцать вопросов. Она дала мне всего месяц.

Господи, зачем ей знать, какой у него размер обуви? Серьезно? Она ему кроссовки собралась дарить в качестве подката? Ладно, допустим, это я смогу раздобыть.

Но как узнать, кто его первая любовь? Была ли она вообще? Ксюня тоже может о таком не знать. Откровенничать со мной кто-то из них вряд ли будет.

Однако больше всего добивают последние вопросы, которые Коростылева задала о себе любимой: знает ли ее Бархатов, что о ней думает.

Как об этом всем спросить невзначай? Она совсем поехавшая?

Вздохнув тяжело, я пробегаюсь по вопросам снова. Анжелика прислала их гугловским файлом. Видимо, прямо туда мне и вписывать ответы.

Взбрендило же ей…

Неужели такой, как она вообще нужно добиваться парня? Мне казалось, стоит Коростылевой лишь подмигнуть, и любой к ней сам подскочит, сразу с букетом и валентинкой.

Бархатов, видите ли, ее намеков не понимает. Он слепой разве? Красоту-то мог бы и разглядеть. Он меня уже бесит, потому что приходится из-за его невнимательности теперь что-то выдумывать, как-то действовать, сближаться с Ксюней против своей воли и ее.

Аркгх!

Хочется перебить здесь посуду и повыкидывать салаты из пиал. Как вспомню, что Анжелика меня видела с отвалившимся силиконом, так сразу краснею по самое темечко. Не думала, что выражение «сгорать от стыда» настолько буквальное. Я прям чувствую эти ожоги изнутри и снаружи. И мне даже поделиться не с кем.

Еще солнце из огромных окон столовой меня дожаривает. Оно легко отсвечивает от всех металлических поверхностей: витрины, столов, стульев, которыми помещение заполнено. И от глянцевых стен, выкрашенных в небесно-голубой. И даже от стекол картинок с натюрмортами. И все эти лучи бьют в меня.

Анжелика с Валентином подходят ровно в тот момент, когда я приближаюсь к кассе. За ними скачут Еловская Вера и Кузьмин Вова. Все уже с подносами. А я только теперь понимаю, что не взяла ничего, кроме приборов. Хватаю первый попавшийся салат с лавки. В очереди раздаются недовольные возгласы.

– Я им занимала, – спешу оправдаться.

Несколько человек цокают, но я не реагирую больше.

– Спасибо, – Валентин подтягивает уголки рта наверх, вставая за мной в очередь к кассе, и это все окупает. Ради этой сжатой улыбки я готова хоть все очереди в городе отстоять, лишь бы он всегда следовал за мной.

Он так близко. У меня аж мурашки. Его дыхание мятным бризом спадает на мои щеки. Мне кажется, они уже алые или около того. Жарко. И ладони потеют предательски. А сердце-то как стучит, вот-вот вылетит прямо в его солнечное сплетение и шмякнется на пол. По-любому разобьется.

Вдыхаю его аромат. Сегодня Валентин пахнет пачули и бергамотом, наверное, новый гель для душа. Свежо. Кожа у него вся такая белая, гладкая, чуть ли не светится. Точно эльф! Даже уши немного заостренные. Ну, вылитый Леголас. Ах, мой краш с детства.

Он так вытянулся за последний год, так возмужал. Теперь за ним многие девчонки из драмкружка и не только бегают. А я его и мелким любила, между прочим, до того, как это стало мейнстримом.

Валентин опускает на меня васильковый взгляд, и я прячу влюбленные глаза в его груди. Руки против воли тянутся к нему. Сама не понимаю, зачем лапаю его значок «Звезда гимназии – за артистичность». Такие дают не каждому – только достигшим успеха ученикам. Его талант все признают. Марина Антоновна, руководитель нашего драмкружка, сама когда-то позвала Валентина, увидев исключительные способности в тогдашнем пятикласснике.

– Что там? – спрашивает он недоуменно.

Я делаю вид, что чищу его значок от въевшейся грязи. Ну, как чищу, измазываю собственным потом, который выделяется из меня литрами от волнения. Дуреха.

– Все, уже ничего, – в последний раз протираю эмалированный металл рукавом свитера и улыбаюсь виновато.

Валентин – любовь всей моей жизни, аж с пятого класса. Я и в драмкружок из-за него записалась. Хотя актриса из меня никакущая. Марина Антоновна в этом убедилась на самой первой нашей постановке, когда я все слова на сцене забыла, простояв целое действие камнем. С тех пор мне дают только эпизодические роли или вообще бессловесные. Зато загружают кучей другой работы: вожусь с реквизитом, костюмами, декорациями и административные обязанности теперь выполняю в помощь Марине Антоновне. Вечно как белка в колесе, но ничего, главное, что Валентин постоянно в моем поле зрения.

Только на спектакль для Хэллоуина мне выделили полноценную роль. Потому что там как раз нужен призрак, а это мое амплуа, и не нужно много говорить. Я не должна подвести группу, особенно Валентина. Буду стараться и отыграю на все тысячу процентов. Тем более, на репетициях теперь мы с ним будем чаще взаимодействовать. От предвкушения даже сердцу щекотно.

Кассирша столовой быстро расщепляет мои фантазии одним громогласным криком:

– Следующий.

Расплатившись, я оглядываю полный зал. Мне надо занять стол на всех пятерых. И я нахожу такой в самом центре. Спешу, пока не заняли. Компания топчется у кассы. Обсуждают прошедшую тему – «Преступление и наказание» Достоевского. Валентин любит классику и много в ней понимает.

Я сажусь во главе прямоугольного стола. Анжелика с Валентином по правому боку, Еловская с Кузьминым – по левому.

– Да они там все больные на голову, – Коростылева закатывает глаза, перемешивая соус от тефтелей с макаронами. – Этот бабулек топором рубит, эта собой торгует. Типа ради детей.

– Не все так просто, – фырчит Валентин, разделывая ножом и вилкой куриный шницель. – То, что творит Соня – это жертвенность. Мало кто на такое способен.

– Ой, тоже мне, святая грешница. Сонечка меня больше всего бесит. У нее даже фамилия приторная – Мармеладова. Все ее используют, а она и рада, потому что дура. Была бы поумнее, научилась бы сама себя использовать.

– Такой персонаж важен для истории, – спокойно парирует Валентин. – Она именно такой и должна быть, святее святых при всем своем несовершенстве, чтобы дать Раскольникову осознать свою порочность, а потом обратиться к Богу и вылечиться.

– Вылечиться? – Анжелика чуть ли не плюется едой в сидящую напротив Еловскую. – Скорее, заразиться верой.

– А мне Соня понравилась, – я наконец могу вступить в их беседу, хотя боюсь ляпнуть глупость и упасть в глазах Валентина. – Она так любит Раскольникова, на все ради него готова. Жертвует своей жизнью, зато они остаются вместе. По-моему, это сильно.

Валентин смотрит на меня с недоумением, Еловская и Кузьмин – с насмешками, а Анжелика – с ехидством и презрением.

– Ты как будто «Сумерки» читала, а не «Преступление и наказание». Только ванильные сопли собрала с поверхности, – замечает она.

Ребята за столом выдавливают смешки, и я заливаюсь жаром по самые скулы. Мой мир рушится. Все-таки следовало промолчать.

– Да нет, я… – бегаю глазами по жирной куче непонятно чего в пиале перед собой. Понятия не имею, что взяла и что буду есть. Похоже на мимозу, которую я не люблю. – Я о том, что… любовь… любовь – это… прекрасно… любовь исцеляет.

А мысленно бью себя по лбу.

Мда уж, капец глубокий анализ. Сопли сейчас из меня потекут, наверное, такие же ванильные.

Но мне нечего добавить. Я поняла, что трагедию Раскольникова не поняла. Да и не пыталась, если честно. Мы с мамой тоже бедно живем, тоже в кредит, но убивать банковских работников нам обеим не хочется.

– Достоевский в этом произведении много сложных тем поднимает. Вопросы социального неравенства, жертвенности, вседозволенности, несправедливости, религии, – Валентин увлеченно продолжает. И я ему благодарна, что он легко перекрыл мой позор, не стал зацикливаться и не дал Анжелике его посмаковать. Мой рыцарь.

Расплываясь в улыбке, я так его и слушаю. Валентин говорит о трагедии личности Раскольникова, о постулатах христианства, о том, в какие времена для себя Достоевский писал этот роман. Ничего толком не понимаю, но мне нравится. Валентин всегда интересно рассказывает. Он вообще умный, заслушаешься.

Анжелике быстро надоедает, и она нагло перебивает его громким вопросом, окидывая взглядом всех, кроме меня:

– Вы уже нашли наряды для осеннего бала?

– Даа! Наконец-то! – Еловская тут же подхватывает и рассказывает о мучительных поисках подходящего платья, чтобы не роскошно, но и не скромно, не дорого, но и не дешево, романтично, но и не ванильно.

Бал проходит ежегодно для старших классов, начиная с восьмого. Туда все должны являться в вечерних платьях и смокингах. Я в целом люблю такие мероприятия, где можно побыть принцессой. Но… Девчонки на каждый бал готовят новый образ, а я уже третий раз подряд пойду в мамином свадебном платье, которое она не разрешает переделывать, будто собирается все-таки выйти в нем замуж. На новые наряды для одного вечера денег у нас нет, и я вынуждена позориться в который раз.

Я бы, наверное, не пошла, если не надо было всем классом танцевать краковяк, который мы целый месяц репетируем. Каждый класс обязан показать один танец. И я не могу подвести ребят и классную руководительницу. Бал в эту пятницу. Отказываться стоило раньше.

Участвовать в беседе мне тоже больше не хочется. Валентин на меня даже мельком не смотрит. Остальные с восторгом обсуждают предстоящий бал между собой, словно меня и нет за столом.

Я погружаюсь в собственную тоску. Пытаюсь понять, что теперь Валентин обо мне думает. Наверняка убедился, что я набитая ванилью кукла, которая не способна воспринимать философию и драму. Мне так хочется ему доказать, что я не только романтические сопли жую, а как, не знаю. «Сумерки» я, к слову, читала, и мне понравилось. Между прочим, там тоже есть своя философия и драма.

Сама не замечаю, как вываливаю набранную ложку салата на стол. Только чересчур громкий, почти писклявый, и неестественно задиристый смех Анжелики выводит меня из задумчивости. Искрящиеся глазки постоянно убегают куда-то в сторону и отскакивают обратно на ребят. Я прослеживаю траекторию ее взглядов и понимаю, в чем дело.

В столовой появляется высокая фигура в бейсболке с плоским козырьком. Бархатов носит бомберы и свободные джинсы карго, с резинкой на лодыжке. Огромные беспроводные наушники всегда висят на шее, как неотъемлемый атрибут. Я без них его никогда и не видела. Они с Ксюней настолько разные, что я бы и не заподозрила их в родстве, если бы не одинаковая и редкая фамилия.

Приглядываюсь к нему впервые. Да, Слава, симпатичен, строен, стилен. У него прямое лицо, чуть вытянутое, с выразительным носом и подбородком, мужественным не до брутальности. Но он не красавчик, чтоб все с ума сходили. Анжелика явно может заинтересовать кого поприличнее. Как Валентин, например.

И чего это я? Мне же только на руку.

Я метаю испуганный взгляд в Валентина, потом на Анжелику, которая не сводит с Бархатова глаз, и успокоительно выдыхаю.

Бархатов садится через столик в компании одноклассников и гогочет, не стесняясь показывать всю пасть целиком. Кадык выпирает на шее острым камнем. Я даже вижу язычок над глоткой. И радужки его глаз, на редкость зеленые с золотым ореолом вокруг зрачка. Мотаю головой и увожу взгляд в пиалу. Неприлично так смотреть на другого человека, хотя я такая незаметная, что порой кажется, могу творить любую дичь, никто и глазом не моргнет.

Валентин поднимается из-за стола первым. Кузьмин с Еловской сразу за ним вскакивают. А Анжелика не торопится, хотя слопала весь обед. На их вопросительное молчание отвечает:

– Я Леру подожду.

Мы все вчетвером удивляемся, потому что меня в этой компании никто и никогда не ждет. Я к этому привыкла и давно перестала обижаться. Остальные хмыкают, но уходят без лишних вопросов.

– Как продвигается? – спрашивает Коростылева, а сама то и дело поглядывает на Бархатова.

Он, действительно, тугодум. Совсем не замечает ни ее беспричинного смеха, ни ее стреляющих глазок, ни той волны феромонов, которую она запускает обильно, аж я чувствую.

– Пока никак. Я ведь только в выходные получила задание, – возмущаясь, защищаюсь.

– Хм. Запиши, что он сегодня взял на обед. Каждый день записывай. Хочу знать его любимое блюдо, – Анжелика кивает на мой смартфон.

Я выполняю ее приказ немедля и вношу в заметки: «ПН – пюре с котлетой, морс, творожная ватрушка». Мы обе смотрим на то, как Бархатов чуть не давится едой от смеха. Его сосед рассказывает что-то, не переставая хохотать, чем и смешит всех остальных. Бархатов только прикусывает круглую выпечку и склоняется над столом, качаясь. Выглядит как женщины из африканского племени мурси, которые растягивают нижнюю губу специальными дисками. Я недавно про таких ролик видела. И ватрушку выпустить не может, и посмеяться толком. Это вызывает улыбку.

– Да вынь ты ее уже! – не выдерживает соседка, сидящая с другого бока от Бархатова, и выдирает из его зубов половину лакомства. Вторая часть остается у парня во рту. Он запрокидывает голову, хохоча, а девушка прикрывает ему пол-лица ладонью, как себе. Потом еще помогает пальцами вытереть крошки со щек. А Бархатову хоть бы хны – только бросил смешливое «спасибо», ничуть не смутившись.

Я гляжу на Анжелику с любопытством и четко вижу под густыми ресницами кипучую ревность. Кошусь с опаской на телефон в ее кулаке – вот-вот треснет.

– В первую очередь узнай, кто она ему, – цедит мне в ухо Коростылева и уходит, задрав подбородок.

«Что так непонятно?» – хочется мне ответить вслух, но держусь, а внутри злорадствую, что Анжелику уделали. Пусть это и не отменяет задания и угрожающего мне позора, если я его не выполню.

Поэтому на следующем уроке я возвращаюсь к файлу со списком.

Итак, первый вопрос: дата рождения.

Она что соцсетями не пользуется? Ну, настолько очевидные вещи-то можно было не спрашивать.

Я сразу захожу в «ВК» и ищу Бархатова в Ксюниных друзьях. И не нахожу. Ищу по школе – все не те. Ищу по фамилии и имени. Ищу по диджейскому нику – DJ Барх. И опять не нахожу.

Разумеется, Анжелика все соцсети уже перелопатила, потому и дала мне это тупое задание, что самой ничего не узнать.

И где же мне взять его дату рождения?

Глаз цепляет сразу следующий вопрос – номер телефона. А затем и адрес. Ох. Такая информация абы где не вывешивается. Приходится разрабатывать целый план.

Глава 3

«Ксюнь, ты сегодня после уроков занята? Можешь мне помочь с реквизитом?», – пишу ей в мессенджере. Марина Антоновна сказала подготовить к Хэллоуинскому спектаклю кучу черепов и много чего еще. Я вижу в этом отличный повод.

Ксюне тоже не повезло с природными данными и приходится лишь обслуживать весь наш кружок, как и мне. Розовощекая и круглолицая, с толстой синей косой до лопаток, она всегда носит широкие джинсы и безразмерные толстовки, чтобы скрывать полноту, над которой другие, особенно Коростылева, посмеиваются. Из-за лишнего веса Ксюне приходится брать на себя неприятных персонажей, будь то Водяной, Бабариха или Мойдодыр, а остальное время помогать мне с реквизитом. Но ей нравится играть на сцене в отличие от меня, даже в эти роли она вкладывается.

Иногда я ее жалею. Мне все-таки больше повезло, меня тупо не замечают, а ее замечают только для того, чтобы поиздеваться. Но она гордая, держится сильно. Не лебезит перед этими звездами, как я. Все их шуточки пропускает мимо ушей и на сцене, даже в дурацком костюме умывальника, показывает класс. Марина Антоновна хвалит ее за талант.

А я так не умею. Не умею быть гордой и сильной, и талантов никаких не имею. Поэтому мило улыбаюсь Анжелике каждый раз и выполняю ее мелкие просьбы, лишь бы она меня не гнобила и держала подле себя. Ведь и Валентин с ней тусуется. Так у меня есть шанс с ним общаться.

Сестра Бархатова равнодушно соглашается. И, когда школа пустеет, мы идем в мастерскую драмкружка – кладовую на минус первом этаже, выбитую Мариной Антоновной у директора. Здесь раньше находился склад мусора. Мы его целым кружком вытаскивали не один день. Потом все осенние каникулы приводили помещение в более-менее обитаемый вид. Расчищали и красили. Постепенно заполняли мебелью, костюмами, реквизитом и оборудованием. Теперь оно снова походит на склад, но уже не мусорный.

Черепа мы делали не раз. Поэтому для них в мастерской всегда есть необходимые материалы: газеты, фольга, вата, клей, краски и кисточки.

У нас с Ксюней уже отработанная схема. Она мнет формы из газет, обклеивает их фольгой и передает мне. А я послойно наклеиваю вату и придаю проточерепам анатомическую форму.

Когда все комки наделаны, я предлагаю Ксюне тоже клеить поверх вату.

– Блин, как у тебя так получается, – удивляется она. – У меня все почему-то размазывается, как сопли.

Я смеюсь и пожимаю плечами, а сама постоянно зыркаю на ее телефон. Ищу возможность как-нибудь туда заглянуть. Разумеется, там пароль.

Ей прилетает сообщение от Бро[1]:

«Я сегодня с Дегтем и Люсей зависаю. Давай завтра? Или фотки кидай».

Ага, я сразу беру на заметку. Восьмым вопросом в списке идут «Друзья». Достав телефон, быстро печатаю имена: Люся Белкина и Деготь, Дегтярев Ваня. С ними он и сидел в столовой. Они вроде тоже музыкой увлекаются. Люся, по крайней мере, отлично поет, на всех школьных конкурсах побеждает. А Дегтярев вообще оркестр: и гитарист, и барабанщик, и даже на баяне когда-то играл.

Ксюня разблокирует экран отпечатком и отвечает: *«Ладно. Не особо и рассчитывала»*. Она даже смайликом сообщение не сопровождает. Явно обиделась. Мне хочется узнать, куда ей так нужно и почему с братом. Или просто одной не хочется?

Надо решаться и завести с ней приятельскую беседу.

– Ты пойдешь на бал?

– Как будто могу не пойти, – покатые плечи вздрагивают от смешка.

– Тоже не хочешь? – произношу я сочувственно, надеясь, что зацепилась.

Ксюня вскидывает удивленные глаза и смеряет меня оценивающим взглядом. Я невольно изучаю ее радужки. В них нет золотого свечения, как у брата, но глаза тоже зеленые, разве что бледнее и мутнее.

– А ты почему не хочешь? – спрашивает она то ли с подозрением, то ли с любопытством.

– Ну… – я макаю кисточку в разбавленный водой клей и долго вытряхиваю лишнее, стуча по горлышку банки. – Платье не очень. Я в нем уже третий раз пойду. Не хочу позориться.

Ксюня хмыкает и поднимает одну бровь. Нет, все-таки она не разделяет моей проблемы. Я смотрю на ее одежду: да, мешковато и плохо сочетаемо, но недешево и не рвано. Толстовка добротная, кеды фирменные. И тушь на ресницах не комочками. У нее даже пирсинг есть: в носу, на брови, в ушах. Все золотое, явно не бижутерия. И Слава одевается хорошо. Они точно не знают, что такое бедность.

– А я вообще все эти рюши-юбки ненавижу, – Ксюня хватает еще одну газету и беспощадно сминает в неровный шар. Я чувствую в ее голосе что-то новое, не просто холодную грубость, а тонкую колкость. – Придумали тоже бал.

– Ну, зато можно почувствовать себя принцессой, – я улыбаюсь, вспоминаю свой самый первый раз. Тогда я так себя и ощущала, пока Анжелика ко мне не докопалась. Сказала, что платье у меня старомодное и вообще свадебное, а вовсе не бальное. А в прошлом году она его опять высмеяла, запомнила ведь, что то же самое. Не забуду ее слов, вроде и не смешных, и не унизительных, а почему-то обидных: «Ты все замуж надеешься выйти? Это не тот бал».

– По-моему, принцесса – это состояние души, – с убеждением утверждает Ксюня. – Не нужен бал, чтобы себя такой чувствовать.

Действительно, настоящие принцессы чувствуют себя такими каждый день и каждую минуту, как Коростылева. А мне, Золушке, нужен бал, чтобы побыть в королевской шкуре. И то не выходит.

– Платья мне ваще не идут. Каждый раз целая эпопея с ними, – Ксюня морщится. – Никто не хочет мне помочь. Мама работает, брат своими делами занимается. Папа – профан в таких вещах.

Она отрывает фольгу, чтобы запаковать газету. Материал с металлическим звуком рвется в ее руках на две неравные части. Ксюня сминает каждую, как мусор, и выбрасывает в урну. Хотя я бы нашла ему применение, но не рискую спорить. Продолжаю наслаивать вату для придания глазницам выпуклости, то есть наоборот впуклости.

– Хочешь, я могу тебе помочь с выбором? – держу тон ровным, а сама внутри вся дрожу, непонятно почему. – Схожу с тобой по магазинам.

– Ты? – удивляется Ксюня и таращит на меня глаза. – С чего вдруг такая любезность?

– Я люблю шопиться. Можем хоть сегодня, сразу после этого, – я пожимаю плечами и обвожу носом горку заготовок, которые она успела намять.

– Правда?

Есть! Кажись, процесс пошел. Улыбочку шире, взгляд дружелюбнее.

– Правда. Я с удовольствием, – скалюсь, насколько могу широко.

– Ну, спасибо.

Ксюня смущена. Кожа розовеет, веки опущены. Но воздух вокруг теплеет, а я испытываю торжество от того, что первый шаг сделан.

Оставив черепа сохнуть, мы отправляемся в ближайший торговый центр. Я предлагаю поехать на электросамокатах, которые сдаются в аренду сразу за школьным забором. Самокаты – это удобно. На всем остальном: роликах, скейте и велосипеде, я кататься не умею и боюсь.

А на самокате даже двигаться не надо. Встал и поехал. Средство само тебя несет. Ксюня не против. Тем более погода позволяет.

Уже октябрь, но еще тепло и сухо. Пыльно, правда, зато можно кататься с ветерком. Люблю осень. Для всех весна – начало чего-то нового, а осень ассоциируется с увяданием. Но у меня именно в эту пору все начинается – учебный год, драмкружок, другие активности. Летом все распущены и предоставлены сами себе, а осенью мы кучкуемся. Весь год еще впереди. И я каждый день могу видеть Валентина.

Мы компанией часто катаемся. Мне нравится. Можно и погоняться, и прогулкой насладиться. На самокате получается объехать гораздо больше, чем обойти пешком. В Питере ведь много красивых мест. Я обожаю заезжать в такие местечки, откуда открывается неизбитый ракурс на достопримечательности. Мечтаю, что когда-нибудь покажу их Валентину, мы будем сидеть на берегу в обнимку, любоваться закатным небом и молча наслаждаться друг другом. Потому что счастье любит тишину.

Фантазия меня окрыляет, и я давлю на газ. Самокат ускоряется. Ксюня кричит мне что-то вслед, но быстро догоняет.

– По-моему, мы поворот проехали, – поравнявшись со мной, сообщает она.

– А, да ладно, на следующем повернем.

Я знаю дорогу. Окрестности школы уже вдоль и поперек объездила.

Удовольствие заканчивается быстро. Всего за пятнадцать минут мы оказываемся у торгового центра. Паркуем самокаты на площадке перед входом и идем внутрь. Во мне еще бьется волнение и плавает адреналин, поэтому я таскаю Ксюню по всем магазинам.

В будний день ТЦ почти пуст. Ходят только зеваки, а продавцы скучают. Нарядных платьев в обычных магазинах мало, тем более пышных. Лишь на втором этаже находится один бутик с приличным выбором. Но здесь все дорого. Я бы в такой даже заходить не стала, а Ксюню ценники не пугают.

– Таак, снимай толстовку, хочу посмотреть на твою фигуру, – заявляю я профессиональным тоном. Я много читаю модных журналов, поэтому знаю толк в стиле. Как и то, что на любую фигуру найдется идеальное платье.

– А что, так не видно? – хмурится Ксюня, обнимая себя руками.

– Ты же не хочешь мешком ходить на балу? Не стесняйся, – я по-дружески хватаю ее за плечи и веду в примерочную.

Ксюня не сразу преодолевает смущение, но все-таки снимает толстовку и встает перед зеркалом в белой майке. Я вижу, как ей не нравится собственный вид, хотя ничего некрасивого в ее фигуре нет. Наоборот, она имеет отличные пропорции. Сверху узко, а снизу сильно широко, но это классическая «груша». Смотрится симпатично. Я бы хотела иметь такую форму, в ней четко выделены грудь, талия и таз, а не как у меня: все сплошняком. Задача будет даже легче, чем я ожидала.

Оставив Ксюню в примерочной, я прохожусь по залу в поисках нужного фасона. Нахожу несколько платьев: с открытым декольте, с сердцеобразным вырезом, с рукавами-фонариками и рюшами на груди. Все длинные в пол, чтобы скрыть низ полностью. Ксюня сразу отказывается от первого.

– Ни за что!

– Да почему? Это визуально увеличит твои плечи. У тебя красивый бюст.

Я с завистью гляжу на ее декольте и снова испытываю тот стыд, когда Анжелика увидела мой силикон. В груди ноет. Вроде когда болит, значит, растет. По этим ощущениям, грудь у меня пятого размера должна быть, раз я так страдаю. Мне каждый миллиметр объема дается тяжкими муками. А у Ксюни уже приличная двоечка. И, кажется, ничего не болит.

Ладно. Завидовать глупо. Краше от этого я все равно не стану, мама мне постоянно об этом напоминает.

– Тогда бери фонарики. И плечи закрыты, и нужный объем получается. И материал тут приятный, шифон. Летящий. Самое то, что тебе нужно.

Я подсовываю ей розовое платье с запахом. Ксюня косится.

– А другого цвета нет?

– А что плохого в розовом?

– Фу, не люблю такое.

– Агх, – все-таки задача будет сложнее.

Я приношу еще пару вариантов: голубое с широким поясом на талии и салатовый сарафан с пышным пионом на одном плече. Ксюня выбирает последнее.

– Вау! – она кружится с сияющей улыбкой.

Мое тело расслабляется, наконец. Чувство торжества расползается по сосудам.

– Ща, я брату и маме скину. Сфоткай меня, пожалуйста.

Опа. Это шанс. Ксюня сама протягивает мне телефон, а мой пульс подскакивает до максимума. Надо как-нибудь посмотреть номер ее брата. Я навожу камеру на девчонку, улыбаясь напряженно, а сама стучу большими пальцами по экрану. Захожу в контакты. Нахожу «Бро» и пытаюсь в ускоренном режиме запомнить цифры. Прочитываю их три раза. Кажется, запоминаю.

– Ну, чего там? – не выдерживает Ксюня, выглядывая из-за смартфона. – Получилось?

– Щас, фокус никак не настроить, – мгновенно нахожу отмазку и возвращаюсь к камере. Щелкаю пять раз подряд на нервах, а в уме пытаюсь повторять цифры.

Блин, их там целых десять. У меня с памятью всегда наблюдались проблемы. Наизусть ни одно стихотворение не выучила.

Пока Ксюня отправляет фотографии, я записываю то, что запомнила в заметки. Только первые четыре цифры, по сути, лишь код. Надо попытать счастье еще раз.

– Давай другие варианты тоже отправим, посмотрим, что они скажут? – предлагаю я и протягиваю ей голубое с поясом, чтобы еще раз примерила.

За три подхода у меня более-менее получается собрать номер, кроме последней цифры. Хоть убей, не могу ее запомнить. Нервничаю сильно. Ксюня уже устала переодеваться и фотографироваться.

– Ну что? – я заглядываю в экран ее смартфона. Там открыт диалог с мамой.

– Маме понравилось салатовое с цветком, – Ксюня излучает восторг, но тут же киснет, когда прилетает сообщение от брата. – А Славка написал, что оно классное, но слишком откровенное.

Я вздыхаю.

– Не слушай его. Ничего не откровенное, подумаешь, одно плечо открыто. Что мальчишки в этом понимают?

– Думаешь, нормально? – Ксюня оборачивается на себя в зеркале. Брови сначала сдвигаются к переносице, а потом раскрываются, придавая всему лицу жалостливости.

– Разумеется! Вспомни, в прошлом году Анжелика вообще с полностью открытыми плечами пришла. И ничего ей не было.

– Ну, это Анжелика. Красивым все с рук спускают.

В моей груди щемит. Опять растет? Или это жалость так колется? А может, вовсе не жалость, а уже собственное разочарование? Я ведь с Ксюней полностью согласна. Красавицы типа Коростылевой себе любой наряд могут позволить и не будут выглядеть неуклюже, а даже если и будут, то никто над ними не посмеется. А таким, как я… одно неверное решение и сразу вечный позор.

– Но ты выглядишь шикарно в этом платье, не хуже Анжелики, – уверяю. Я искренно в этом убеждена. Меня зависть давно так не глодала.

Ксюнино лицо озаряется улыбкой.

– Спасибо.

Снова прилетает сообщение от брата:

«И Деготь заценил, говорит, сексапильно».

Ксюня вспыхивает за секунду. Кожа сперва краснеет до предела, а затем бледнеет, как обескровленная. Я читаю ее ответ, не боясь. Она слишком занята, чтобы на меня реагировать.

*«Зачем ты ему показал?! Вот блин! Ну, ты дурак! Брат, называется. Не буду больше тебе ничего присылать».*И много красных смайликов с зацензуренным ртом следом.

Мне смешно, и я улыбаюсь. Только через минуту догадываюсь, отчего такая бурная реакция. Неужели Ксюня влюблена в Дегтярева?

«А че такого-то?– Слава высылает в ответ эмодзи с невинно выпученными глазами. – *Ты в этом платье вообще на школьный бал собралась. Все равно же все увидят».*

Ксюня топает ножкой и закрывает резким порывом шторку примерочной. Я остаюсь снаружи и не знаю, что дальше происходит, но лыблюсь по-идиотски, словно сама влюбилась.

На кассу она несет голубое с широким поясом, а салатовое оставляет в примерочной.

– Тебе же то понравилось? – удивляюсь я, хотя по-девчачьи ее понимаю.

– Оно вульгарное.

Мне хочется треснуть и Славу, и Дегтярева за эти кажущиеся незначительными слова. Нашлись тоже, целомудренники.

Мы выходим из бутика в разочарованном молчании. Чтобы развеселить, я сразу веду Ксюню в магазин украшений, потом обуви. На подбор аксессуаров и туфель уходит остаток дня. Шоппинг всегда занимает много времени, но я не чувствую себя уставшей. Только по приходе домой меня накрывает уныние. Из тридцати вопросов я нашла ответ пока на один.

[1] Бро – от англ. Bro – brother - брат

Глава 4

Я вхожу в квартиру всего на несколько минут раньше мамы и успеваю лишь переодеться в пижаму. Она работает кадровиком в бюджетном учреждении и в нем же после рабочего дня моет полы, чтобы выплатить ипотеку и прокормить нас. Отца у меня нет, и никакие алименты мне не положены. Поэтому я не имею права что-то требовать. Мама и так из кожи вон лезет, чтобы у нас было все необходимое.

А Ксюня сегодня потратила на платье десять тысяч и еще столько же на обувь и аксессуары. Конечно, мне завидно. И стыдно перед одноклассниками. Поэтому я решаюсь спросить у мамы разрешения переделать ее платье. Все равно оно ей уже не пригодится. А себе, надеюсь, я смогу купить новое платье на свадьбу.

Разогрев в микроволновке макароны и сосиски, я ставлю перед мамой тарелку. Она благодарит меня слабой улыбкой и спрашивает, как прошел мой день. Отвечаю что-то дежурное и смотрю на нее в упор, не решаясь заговорить о важном.

Мама такая же, как я, то есть я вся в нее: бесцветная худышка маленького роста. Сквозь пепельные волосы лесками проявляется седина. Маме почти пятьдесят. Кожа уже морщится. Мне кажется, больше от изнурительной работы, чем от возраста. Я всегда вижу ее лицо уставшим. И мне ее жалко.

Бабушка и тетки говорят, что мама родила меня поздно, чисто для себя, от первого попавшегося под руку негодяя. Что много лет потратила на карьеру, которую так и не построила, а после декрета не смогла восстановить даже прежнее положение, и что лучше бы сразу налаживала личную жизнь. Мама никогда не была замужем, но много мне рассказывала, о какой свадьбе мечтала. Я толком не знаю, для чего она купила это платье, действительно ли, свадьба намечалась, или мама просто себя порадовала. А теперь с таким трепетом хранит этот наряд.

– Ма, – резкий тон выдает мое волнение, но я не увожу глаз с маминого лица. Она смотрит в ответ вопросительно, набив обе щеки едой. – Можно я перешью платье для бала?

Мама вздыхает тяжело и не отвечает, пока не проглатывает пищу целиком. В ожидании я ковыряюсь вилкой в макаронах. Вроде с обеда не ела и ходила много, а аппетит не нагуляла. Мама меня пугает, что я так и не вырасту, если не буду кушать. Наверное, отчасти так и есть. Я мало ем и расту совсем помаленьку.

– Лерок, мы это уже обсуждали. Оно же и так прекрасно на тебе сидит. Зачем его переделывать?

– Ну, чтобы оно выглядело по-другому. Все будут в новых, а я опять…

Мама улыбается. Смотрит на меня, как на малявку, которая ничего в жизни не понимает. Я устала от этих снисходительных взглядов. Так все тетки и бабушка смотрят. Им не понять, как это важно для меня. А я хочу любви, чтобы не рожать от абы кого под сорок и все равно остаться одинокой.

– Что тебе все? Ты для себя живешь, а не для всех, – мама снова набивает рот макаронами.

Сосиски, разваренные и бледные как моя кожа, совсем не вызывают желания их съесть. Да и подсохшие макароны выглядят не аппетитно. Но я давлюсь ужином, который готовила вчера.

– Я хочу понравиться Валентину, – бормочу, с усилием проглотив плохо прожеванные макароны.

– Ты ему за пять лет не понравилась, думаешь, один бал в новом платье что-то изменит?

Жестко. Больно. Грудь опять рвет изнутри. Почему мама такая прямолинейная?

Слезы я уже не могу сдержать. Макароны застревают в глотке.

– А тебе зачем это платье? – обида из меня прет неосознанно. – Как будто ты замуж когда-нибудь выйдешь? За мои шестнадцать лет не вышла же. Может, хватит надеяться?

Мама в шоке. Кусок сосиски вываливается изо рта в тарелку. Я смотрю на нее сквозь слезы. Все лицо расплывается. Не могу больше. Поднимаюсь и убегаю в комнату. Самое тупое, что мне даже закрыться негде. Комната у нас одна. Хотя бы кровати разные.

Во мне все кипит. Злость зашкаливает. Термометр в подмышке сейчас бы взорвался. Я мечусь по комнате туда-сюда в маленьком пространстве между мебелью. Здесь все заставлено, можно сделать только два шага вперед и назад. И мне этого не хватает, чтобы остыть. Душа адски горит.

Мама долго не приходит в комнату. Видимо, дает и себе остыть. Торчит на кухне. Я слышу только шум воды, лязг посуды и периодические вздохи.

Нет, я все-таки не хочу, как мама, ждать у моря погоды. Хочу понравиться Валентину, хочу, чтобы он меня заметил, чтобы увидел во мне красоту. Но не в этом же дурацком платье двадцатилетней давности. Я судорожно обегаю комнату взглядом, сама не знаю, что ищу. Просто в голове что-то крутится. Как всегда крутится, когда Марина Антоновна дает мне задание придумать что-нибудь с костюмами или реквизитом.

Неожиданно для меня самой взгляд останавливается на окне. Точно, тюль и гардины – прекрасный материал для платья. Буду как Скарлетт из «Унесенных ветром».

Я срываю занавески и раскладываю на кровати, пытаясь сообразить, как это все так можно вывернуть, чтобы смотрелось на мне нарядно.

Теперь я точно покорю Валентина. Не только новизной и красотой, но и креативностью. Надеюсь, годы возни в драмкружке дадут свои плоды.

Мама заходит в комнату за полночь и на мгновение застывает в дверях. Хмыкает на меня, обмотанную тюлем. Но только зеркало отражает мой взгляд, сразу уводит свои глаза в пол и ложится в постель. Закрывается одеялом с головой.

На уроки у меня времени уже не остается. Спишу у Еловской. Там вроде было немного.

Пора спать. Нужно выключить свет. Приходится разматывать тюль и тоже ложиться. А идеи во мне бурлят. И обида еще тлеет. Я решаю взять ткани завтра с собой, чтобы спокойно заняться платьем после уроков в коморке драмкружка. Там и инструменты все для этого есть.

Глава 5

После вчерашней ссоры с мамой настроения совсем нет. И злость, и вдохновение заметно притупились, но я все равно пру с собой тяжелые портьеры и объемный тюль. Пытаюсь представить себе будущее платье. Образы закручиваются в сознании, а цельной картины не получается.

В школу я прихожу понурой. Плохо выспалась, отчего голова побаливает. Здесь шумно. Малышня носится по коридорам с визгами. Старшеклассники гогочут. Кто-то слушает музыку на весь этаж. Но громче всех вахтерша отчитывает мальчишку за то, что он опять без сменки.

Повседневная атмосфера снова возвращает меня к Анжеликиному заданию. В ее списке столько вопросов, что я не знаю, за какой взяться. Держу в голове все и сразу. Телефон, размеры, дата рождения, любимые книги и фильмы, хобби, профессия, цвет, блюдо, место. Господи, как это все поможет Коростылевой ему понравиться? Зачем вообще все это знать?

Снимая ботинки, я переобуваюсь в лодочки на высоченной танкетке. В них ноги быстро устают, но так я нормального роста. Озираюсь по сторонам, не понимая зачем. В гардеробе все в кучу. Уличная обувь стоит под вешалками вперемешку.

Мда. В таком хаосе я вряд ли найду кроссовки Бархатова. Надо еще запомнить, в каких он ходит. А как бы их найти и посмотреть незаметно размер? Может, во время физры?

Только пройдя половину первого этажа, я понимаю, что не помню, какой у нас сейчас урок и кабинет, поэтому возвращаюсь к расписанию в холле. Заодно смотрю на уроки одиннадцатого «В».

Как удачно, физра у них как раз сегодня, пятым-шестым. Надо будет отпроситься в туалет с биологии.

Но сперва нужно самого Бархатова встретить и запомнить его кроссовки, а лучше сфоткать, чтобы наверняка не перепутать. Мне везет. Он тут же появляется в дверях. Весь погружен в музыку, которая вроде играет в его наушниках, но слышно даже мне. Парень ни на кого не смотрит, качает головой, а руки держит в карманах куртки. Плечи двигаются в такт электронным басам.

Ага, может, даже и физры ждать не придется. Только я порываюсь зайти за ним в гардероб, как меня хватает за плечи Анжелика и уводит по коридору к кабинету физики, где у нас должна быть геометрия.

– Ты записала Белкину ему в друзья? Уверена, что они не встречаются? – громким шепотом она щекочет мне ухо и шею.

Я невольно поджимаю плечо к голове, но из крепкой хватки не могу вырваться. Анжелика гораздо сильнее меня. Бицепсы ярко выражены. Она меня даже в игру «Палец-на-палец» победит, вон большой какой накачанный.

– Я это выясняю, – почти скулю.

– Выясняй скорее.

Она выпускает меня перед самым кабинетом и запихивает внутрь легким толчком. А я чуть не падаю, подворачивая ногу на танкетке. Корячусь у первой парты, отряхиваюсь и сажусь за нее. К счастью, мои кривляния никто не замечает. Все заняты своими делами и разговорами. Валентин тоже сидит на первой парте, но в другом ряду, в среднем, прямо перед учительницей. Его окружают мальчишки и Еловская. Анжелика к ним присоединяется, а я только успеваю помахать.

Весь первый урок у меня уходит на обдумывание тактики. Шпионка из меня тоже не выдающаяся, но надо как-то выследить Бархатова с Белкиной и определить, дружеские у них отношения или нет.

Но как, блин?

Если они всем официально не объявили о том, что пара, как я смогу понять, есть ли между ними что-то. Вообще, как узнать, что у парня есть девушка, если его нет в соцсетях, и в школе он ни с кем за ручки не держится?

Первый вариант: спросить у его сестры, но так сразу и так в лоб – не комильфо, как говорит Анжелика. Второй вариант: залезть в его телефон. Там в контактах наверняка будет кто-нибудь типа «Любимая», «Пусечка», «Мой сладкий пирожочек». Но как получить доступ к его телефону? Вряд ли Славе нужна помощь с выбором смокинга на бал.

Гадство. Как я в это вляпалась?

Ладно, начну с малого. Мне надо раздобыть размер его одежды и обуви и добить номер телефона.

И на перемене я выхожу на слежку. Оказывается, у нас большая школа. Целых четыре этажа. Коридоры вроде широкие, а все равно между уроками забиты донельзя. Учеников тысячи. Не так-то просто в этом образовательном мегаполисе разыскать одного конкретного школьника.

На каждом этаже у нас есть холлы с диванами и столиками, где можно подурачиться. В основном их занимают привилегированные старшеклассники. Я обычно в таких тусовочных местах не появляюсь. Но сегодня, полагаю, именно там и смогу найти Бархатова. Он все-таки местный диджей, звезда школьного масштаба и вообще выпускник. Ему как будто положено там быть.

Мои надежды оправдываются. Бархатов сидит на третьем этаже в окружении большой компании парней и девчонок. Белкина, разумеется, рядом и Дегтярев неподалеку. Холл от коридора скрывают огромные растения – декоративные пальмы и папоротники. Мне есть, за чем спрятаться. Я пристраиваюсь у самого края коридорной стены и осторожно выглядываю, чтобы понаблюдать за компанией.

Бархатов – заводила. Делится впечатлениями о фильме, который посмотрел вчера, – «Дедпул». Я не видела, но знаю, это что-то из «Марвел».

Ага, фанат кинокомиксов – сразу записываю в гугловский файл. И слушаю дальше.

– Вот с удачливостью они ваще круто придумали. Это ж реально суперспособность, – Слава воодушевлен. Глаза широко раскрыты, руки активно жестикулируют, от улыбки на щеках ямочки. – Блин, ты же просто неуязвимым становишься. Ваще можешь все что угодно творить, ведь тебе ниче не будет, по-любому пронесет.

Одноклассники поддакивают.

– Не может человеку постоянно везти. Прям во всем? – возражает Белкина, откидывая пушистый хвост с плеча. Я вглядываюсь в ее лицо и замечаю, как Люсе идет эта фамилия. Она реально похожа на белочку. Мордашка так же вытянута, глазки черные, ротик маленький, словно собранный для поцелуя.

– А то, что у Дэдпула любые конечности заново отрастают, тебя не смущает? – без злобы усмехается Бархатов, перекидывая к ней голову по спинке дивана. – Изи[1], это же фантастика.

Все смеются, только Белкина закатывает глаза. И я невольно поддаюсь их веселости, тоже улыбаюсь. Слава рассказывает дальше, увлеченно и увлекательно. Остроумно высмеивает клише и неплохо изображает персонажей. Ему бы в драмкружок с таким разнообразием мимики и жестов. Еще и голоса хорошо пародирует. Собственный баритон низковат, но пищать за девушек в беде, которых спасают герои, у него получается превосходно.

Лишь спустя несколько минут я вспоминаю о возложенной на меня миссии и достаю телефон. Хотя такие кроссовки можно и не фотографировать. Они яркие, горчично-фиолетовые, легко выделяются из общей массы. Я уверена, что сразу их найду в раздевалке.

Меня отвлекает задиристый смех. По коридору, накрывшись капюшоном, шагает Ксюня, вся зажатая. Широкие джинсовые штанины звучно трутся друг о друга на каждом шаге. Она держит рюкзак на одном плече. За ней тащатся два пацана в спортивках.

– Хрюша, ты что-то сказала? – первый прикладывает к уху ладонь, хихикая.

– Отвалите, – цедит Ксюня.

Второй ее передразнивает:

– Хрю-хрю, хрю-хрю, хрю.

– Блин, я по-свински не понимаю, – заливается первый.

Второй подхватывает. Оба обгоняют Ксюню и перекрывают ей дорогу. Я стою как вкопанная. Сердце колотится, бесится на несправедливость, но я ничего не могу сделать, только посочувствовать. Хорошо, что Ксюня меня не видит.

– Эй, вы! Брысь! – Бархатов вскакивает с дивана. Он и шага не успевает сделать, как пацаны ретируются обратно в гущу толпы.

Ксюня останавливает брата хмурым взглядом. Даже я испытываю его тяжесть, хотя он направлен мимо меня. Девчонка качает головой и идет куда шла, ускоряясь.

– Постой, Ксю, – Слава бежит за ней и легко нагоняет, разворачивает за плечи и притягивает к себе. – Я Дегтю память отшиб. Он ничего не видел и не помнит.

Парень кивает на друга. Тот уже идет к ним. А я наблюдаю из-за пальмы. Дегтярев похож на медведя, такой же широкий и косолапый. На голове густой ежик, лицо круглое, лапы здоровые. Но во всей фигуре чувствуется плюшевость. И в глазах читается доброта.

Ксюня при виде Дегтярева замирает и, склонив голову, натягивает капюшон на лицо сильнее.

– Подтверди? – Бархатов смотрит на Дегтя. – Как меня зовут?

– Прокопий? – без улыбки предполагает тот.

– Видишь? – обращается Слава к сестре, наклоняясь. Он выше ее на целую голову с шеей.

Я опять улыбаюсь непроизвольно. Ксюня тоже, хоть и пытается это скрыть.

– И платье норм. Поменяй.

Она косится на него с усмешкой, еще не простила, но уже на грани.

– И как твоему мнению вообще доверять после такого?

– Да я сразу сказал, что оно классное. Просто подумал, ты слишком красивая в нем будешь. Начнут к тебе приставать всякие. Но потом покумекал, мы же с Дегтем на стреме. Пусть только сунутся.

Ксюня хихикает и натягивает капюшон на половину лица. Дегтярев, как бравый солдат, прикладывает ладонь ко лбу и отчитывается по-военному:

– Служу целомудрию! И красоте.

– Придурки.

Ксюня резво выворачивается из-под подмышки брата и убегает.

– Сис![2] – Бархатов бессильно вскидывает руки и кладет их на пояс. – Маме скажи, что я прощен.

Она оборачивается, чтобы показать язык, и скрывается за поворотом. Я не могу спрятать улыбку. Хотя внутри жжет зависть, белая на этот раз. Мне, оказывается, тоже хочется иметь брата, именно такого, который бы убеждал меня в моей красоте, даже если другие звали бы меня Хрюшей. Наверное, поэтому Ксюне так легко противостоять всем этим насмешкам.

Меня же никто не разубеждает в том, что я ущербная. Мама только вздыхает. Ничего не опровергает, просто говорит, что не надо обращать внимание на мнение других и только мое собственное имеет значение. Но ведь это не так. Я могу хоть каждый день всем заявлять, как я прекрасна, остальные лишь посмеются. Разве это не очевидно? Я не хочу быть красивой только для себя. Я хочу быть красивой для других. В первую очередь для Валентина.

Звонок возвращает меня в реальность, и я плетусь на очередной урок с потухшими мыслями.

На английском нам дают задание написать сочинение на избитую тему: «Кем я хочу стать». Учителя уже заставляют нас определяться с профилем, готовиться к ЕГЭ, чтобы поступить в приличный вуз на престижные специальности. Я выбрала гуманитарное направление, потому что такое выбрал Валентин. Я точно знаю, что он поступит в театральное училище, и пойду за ним. Кем угодно, лишь бы рядом.

Мама не одобряет мое решение. Она хочет, чтобы я стала крутым айтишником или уважаемым адвокатом. Но у меня нет способностей ни к тому, ни к другому. Я вообще классическая троечница. Только по литературе у меня пятерка, потому что Валентин любит читать и рассказывать, а мне нравится его слушать и перенимать его мысли.

Он меня на все вдохновляет. Книжки я читаю тоже для того, чтобы с ним потом обсудить. И фильмы смотрю те, которые он советует. Валентин любит артхаус и социальные драмы, которые снимают для фестивалей. У него в целом утонченный вкус во всем. Даже в одежде. Он всегда элегантен. Ходит в рубашках и свитерах. Если и носит джинсы, то прямого кроя, без каких-либо украшательств. А кроссовки у него изумительно белые, причем идеально чистые. Совершенен, одним словом.

Я опять любуюсь им весь урок. Валентин иногда оборачивается на мое пристальное внимание, но тут же возвращается к сочинению, я даже взгляд не успеваю отвести. Люблю, когда он так сосредоточен и серьезен. Интересно, о ком он думает? Неужели ему никто не нравится? Я вовсе не надеюсь, что я, конечно, но любопытно ведь…

Мда, кажется, я понимаю Анжелику. Жаль, что у меня нет на нее компромата. Так бы я тоже заставила ее разузнать все о Валентине для меня. Многое из ее списка я про него знаю: и номер телефона, и дату рождения, и хобби, и будущую профессию, но это пока никак не помогло мне Валентину понравиться. Наверное, потому что я не знаю главного. Там среди вопросов есть даже такие: самое грустное воспоминание, первый поцелуй, что нравится в девушках. Я такими вопросами о Валентине и не задавалась раньше. О чем он может грустить? И какое у него самое веселое воспоминание?

[1] Изи – англ. Easy – полегче

[2] Сис – сокращ. от систер – англ. Sis – Sister - сестра

Глава 6

После третьего урока я мчу в столовую, чтобы занять очередь, и прибегаю десятой. Стол для нас занимает Еловская, большой, поближе к окну. Еду ей приносит Кузьмин. Валентин с Анжеликой обсуждают театральные училища и вступительные экзамены к ним.

– А че не ГИТИС? – ухмыляется Коростылева Валентину.

– РГИСИ – колыбель множества талантливых актеров. Там отличные мастера, – он вскидывает руку, как поэт, словно говорит что-то сакральное. – Ни Москвой единой.

Мне тоже хочется поучаствовать в их разговоре, и я вставляю свои пять копеек.

– О, а там можно выбрать мастера? Ты уже выбрал?

– Я хочу к Фильштинскому. У него многие звезды учились. Хабенский, например, или Козловский.

– Вау, – протягиваю. Для меня этот уровень непостижим. Даже не представляю, каково это играть на той же сцене, где когда-то выступали Козловский и Хабенский, но в Валентине не сомневаюсь. У него таланта не меньше, чем у этих двоих вместе взятых.

– К нему и конкурс выше всего, разумеется.

– Ты же так классно играешь. Уверена, он сам захочет тебя к себе в ученики, как Марина Антоновна.

Валентин водит скромным взглядом по кругу. Чувствуется, что хочет улыбнуться, но сдерживает себя. Лишь уголки губ подрагивают.

Остальные трое косятся на меня с усмешками. А что такого? Я разве не правду сказала? Просто подметила факт. Это же все признают. Марина Антоновна тоже профессионал.

Еловская заполняет паузу предложением покататься на самокатах в выходные. Все соглашаются. Я только за. Люблю такие покатушки. Валентин вне школы более расслаблен и открыт. Можно с ним обсудить какой-нибудь фильм или книгу. И вообще, мне хочется отвлечься. А то неделя выдалась стрессовой.

Ребята выбирают место, где покататься. Я в этом не участвую и ради отвлечения озираюсь по сторонам. Когда натыкаюсь на Бархатова во втором ряду, пытаюсь высмотреть, что у него в тарелке. Приходится тянуть шею. Это привлекает его внимание. Парень сдвигает брови и инстинктивно подвигает еду ближе к себе. Я краснею и отворачиваюсь. Кажется, выходит демонстративно. Еще несколько секунд я чувствую его взгляд на себе.

Зато мне этого хватило, я все увидела и могу записать в заметки: «ВТ – гречка с фрикадельками, апельсиновый сок, ватрушка с творогом».

Ага, второй день подряд ватрушка, и опять с творогом. Если и завтра то же повторится, это точно его любимое блюдо. По крайней мере, одно из. Анжелика ведь не написала узнать все его любимые блюда, поэтому ватрушки хватит. Я испытываю легкое торжество.

Еще мне надо добить его номер – прозвонить все варианты от нуля до девяти в качестве последней цифры, которую я вчера так и не смогла запомнить. Я украдкой гляжу на Бархатова. Он увлечен разговором с одноклассниками. Сегодня их за столом целых шестеро. Кажется, на меня он больше не обращает внимания, можно приступить к операции.

Анжелика то и дело поглядывает на него украдкой, потом на меня с упреком, опять громко смеется и постоянно откидывает волосы назад. Не понимаю, как они каждый раз снова оказываются спереди. Валентин сравнивает театральные школы, объясняет, почему ему подходит одна и не подходят другие. Еловская и Кузьмин его слушают без должного интереса, просто потому что сидят рядом.

Я решаюсь набрать первый номер. Начинаю с нуля. Полминуты идут долгие гудки, а затем звонок обрывает автоответчик. Я пристально слежу за Бархатовым, прислушиваюсь к вибрации и всем мелодичным звукам, которые походят на рингтон.

А вдруг он вообще не взял с собой телефон? Хотя вряд ли. Все их носят с собой. Наверное, где-то в кармане держит.

И я продолжаю звонить.

На единицу тоже не ответили. И Бархатов никак не пошевелился. Двойку сразу скинули, но он телефон даже не доставал. На тройку ответила какая-то женщина, поэтому сбросила я. Четверка оказалась вне зоны доступа. И на пятерку опять длинные гудки.

Я так переживаю, что забываюсь и вгрызаюсь в Бархатова глазами. Он иногда невольно озирается и спотыкается на мне взглядом, но надолго не задерживается. Хоть где-то неприметность сыграла в мою пользу. Я для Бархатова пустое место, и это отличное качество для шпиона.

И вот на шестерке он полез в карман. Я порываюсь выключить звонок, но нет, еще рано. Надо убедиться, что я именно к нему попала. Жду, когда он поднимет трубку. Парень достает телефон, который верещит электронными битами на всю столовую. Номер явно незнакомый, потому что он хмурится, но подносит телефон к уху. У меня срабатывает вибросигнал. Я гляжу на экран – на звонок ответили. В динамике приглушенно раздается: «Алло?».

От волнения я не сразу попадаю на красную кнопочку. Пальцы скользят по стеклу. Сперва врубаю громкую связь, и все ребята за столом уже слышат Славино «алло». Только с третьей попытки завершаю звонок и с ужасом ловлю взгляд Бархатова. Он смотрит с сомнением. До конца еще не понял. Анжелика тоже меня пилит глазами. И Валентин подозрительно щурится.

Белкина, мое спасение, отвлекает Бархатова и снова втягивает в разговор. Парень откладывает телефон на стол и слушает одноклассницу.

Я виновато улыбаюсь Анжелике и съедаю пюре буквально за две ложки. Заедаю стресс.

Блин, как же это вышло палевно. Надеюсь, он все-таки ничего не понял. Мало ли кому я могла звонить. И мало ли кто ему звонил. Ошибся номером, и все. Всякое ведь бывает. Да?

– Ты раздобыла его номер? – хватает меня Анжелика в коридоре, опять стискивая в объятиях.

Мы отходим чуть в сторону от компании и снова шепчемся. Мне неприятно, и стыд еще не отпустил. В памяти стоят глаза Бархатова, вопросительные и недоуменные.

– Да, – в этот раз мне удается скинуть Анжеликину руку с плеча.

Она хмыкает.

– Молодец. Похвально. А что с Белкиной?

– Не знаю. У меня ведь месяц вроде? – я огрызаюсь, потому что еще не отпустила ситуацию в столовой. Не успеваю проконтролировать эмоции. – Я заполню файл через месяц. Как договаривались. Не надо теребить меня по каждому вопросу.

Анжелика явно недовольна, но нас настигают Валентин и остальные. Мы уже подходим к классу, поэтому я слышу в ответ только: «Ну ок».

Шпионаж – дело непростое. Трясучка не отпускает меня до следующей перемены. А мне еще размер обуви и одежды предстоит узнать.

Ладно, надеюсь, это я хотя бы незаметно проверну.

Чтобы не потерять, я записываю Бархатова в контакты. Мне сразу высвечивается его телеграм. Захожу в профиль. Там много фоток. Листаю от безделья, потому что и так все прослушала, а пять минут до звонка надо отсидеть.

Бархатов позиционирует себя диджеем. На большинстве аватаров он за пультом или на сцене в неоновых лучах светомузыки. Но есть и другие фотки, где он с друзьями, псом или сестрой.

Отлично, значит, французский бульдог – его любимый питомец.

Моя анкета пополняется. Каждый найденный ответ доставляет мне радости.

На всех кадрах Слава счастливо смеется, не улыбается, а прямо ржет с разинутым ртом. В друзьях опять мелькают Белкина и Дегтярев. Ксюня на фото, наоборот, грузная и недовольная. Ее как будто застали врасплох спросонок.

В профиле я нахожу ссылку на публичный канал. Там всего триста подписчиков, но комментируют его активно. Закрепленным висит сообщение со ссылкой на последний сет – подборка ремиксов на классику альтернативы. Мне даже любопытно послушать. Я под электронную музыку только танцую на школьных дискотеках, а для души предпочитаю МакSим, но на перемене включаю Славин сет.

Одноклассники со звонком мгновенно вскакивают и несутся по своим делам, а я остаюсь на месте и вставляю наушники.

Ритмично, динамично.

В музыке я совсем не разбираюсь, но мне нравится компоновка. То, как бесшовно одна песня перетекает в другую, не мешая наслаждаться сплошным потоком звучания.

Глава 7

На вылазку за кроссовками я решаюсь лишь на последнем уроке. Тяну руку, отпрашиваюсь в туалет, а сама хватаю телефон и несусь на первый этаж, к спортзалу. Из приоткрытых дверей слышны крики парней и свисток. Мяч гулко стучит о пол. Девчонки визжат, как болельщицы.

Осмотревшись, я понимаю, что угрозы разоблачения в сию минуту нет. В коридоре пусто, а весь одиннадцатый «В» занят игрой в баскетбол. На цыпочках я захожу в мальчиковую раздевалку напротив спортзала. Маленькая коморка заставлена железными шкафчиками. Вся обувь валяется под скамейками. Я быстро нахожу горчично-фиолетовые кроссовки – они стоят у стены, рядом с окном.

Но сперва решаю записать размер одежды и раскрываю шкаф. В нем все в кучу. Рюкзак завален футболкой, свитшотом и джинсами. Поднимаю футболку, зачем-то нюхаю.

Что я творю?

Дергаюсь от собственной глупости и отшвыриваю футболку обратно в шкафчик. Хотя пахнет она приятно, чем-то похожим на жвачку, типа «Love is…».

«М» – вношу в Анжеликин файл самодовольно.

Любопытство, точнее, желание сорвать джекпот и найти ответы сразу на несколько вопросов, заставляет меня заглянуть в рюкзак. В дневнике ничего полезного. В тетрадке по алгебре дурацкие рисунки: фантастические монстры дерутся друг с другом, геометрические узоры переплетаются, улыбается солнышко. Под учебниками нахожу много мусора: стертые чеки, обертки шоколадок, уже высохшие салфетки, в общем, тоже ничего интересного. Вдруг натыкаюсь на что-то рукописное. Среди прочего валяется записка, измятая, рваная, явно давнишняя.

Сердце предвкушает нечто важное, ускоряет темп. Я разворачиваю записку и долго вчитываюсь в кривой почерк.

«Слава, пишу тебе так, потому что боюсь сказать в лицо. Ты мне очень нравишься, но, кажется, совсем этого не понимаешь. И я не могу определить, взаимно это или нет…».

Хе, как будто Анжелика писала.

«Но держать все в себе больше нет сил, поэтому признаюсь тебе вот так, по-дурацки, в любви. Жду твой ответ. Люся».

Ого! Надо сфоткать для Коростылевой. Хотя… что это доказывает?

Любовная записка валяется в его рюкзаке вместе с остальным мусором, как будто сама таким же мусором и является. Непонятно ведь, ответил он на ее чувства или нет. Блин. Вот интрига. И как же мне это узнать?

Я сокрушительно плюхаюсь на скамейку, провожу ладонью по лицу, выдыхаю.

Можно мне квест попроще?

Сижу так в размышлениях о несправедливости своего положения, забыв, зачем пришла. Потом замечаю время на экране блокировки и вскакиваю.

До конца урока осталась пара минут, а я до сих пор ничего не раздобыла. В спешке запихиваю весь мусор, тетрадки и учебники обратно в рюкзак, закидываю его сверху одеждой и наклоняюсь за кроссовками. На внешней подошве ничего нет. Заглядываю внутрь. Обычно размеры указываются где-нибудь поближе к пятке, но тут пусто, только бренд. Я раздвигаю язычок шире и заглядываю дальше, приходится почти нос туда запихивать, ибо ничего не видно.

Ага, вот оно – сорок три.

Китайское барахло. Додумались же разместить размер так глубоко.

– Что за… кринж[1]? – слышу от двери.

Блииин!

Оборачиваюсь и подпрыгиваю на месте. Бархатов передо мной во плоти. Морщит лицо в отвращении и протягивает долгое «эээ». А я немею. Буквально голос пропадает, и все тело цепенеет.

Капец я везучая!

Так и хочется взорваться, но у меня только пульс подскакивает. Сердце бешено бьется о ребра, аж грудная клетка трещит.

Какой стыыыыд…

– Зачем ты нюхаешь мои кроссовки? – выдает Бархатов, отойдя от шока. Лицо становится ровным, но морщинка на переносице не разглаживается до конца.

– Я их не нюхала! – отскакиваю к окну. – Я все сейчас объясню…

А у самой в голове перекати-поле. Причем такое безмятежное, будто ситуация вовсе не аховая. Мозг в самый нужный момент отключился. Только сердце работает, как заведенное, почти жужжит от невыносимого ритма. Ладони уже мокрые. И по позвоночнику стекает неприятный холодок. Кажется, я такой стыд не испытывала, даже когда Анжелика застукала меня с силиконом.

Бархатов склоняет голову набок. На его висках и шее блестит пот. Белая майка оголяет упругие плечи и мускулистые руки полностью. Они жилистые, схватят – не отпустят явно.

– Что ты вообще делаешь в мужской раздевалке? И ты не из нашего класса.

Он движется на меня, а я упираюсь в подоконник и дрожу, прижимая кроссовок к груди. Ожидаю его приближения, как неизбежной кары. Но глаза закрыть не могу, даже не моргаю, таращусь на него всем своим страхом.

– Ты вроде с моей сестрой в драмкружок ходишь, не? – Бархатов сужает взгляд и останавливается в целом шаге от меня. Руки к моей шее вроде не тянет.

Я медленно киваю и сухо сглатываю. Он меня знает?

В эту секунду в раздевалку заваливается целая толпа парней. Мокрые от пота, разгоряченные, они обсуждают прошедшую игру, но видят мое испуганное лицо и застывают. Все как один замолкают и застревают в проеме.

Бархатов оборачивается. Я хлопаю ресницами.

– Па-а-ардон, – первым не выдерживает Дегтярев и плохо скрывает смех, впечатывая подбородок в шею.

– Вот куда ты убежал, окаца, – вскрикивает кто-то из толпы. – С девушкой уединиться.

Уши у меня еще минуту назад сгорели, поэтому сейчас я просто остываю. А у Бархатова они краснеют, как и щеки.

Он не отвечает на смешки, переводит суровый взгляд на меня и, схватив за локоть, выводит из раздевалки. Парни перед нами расступаются, как воды Красного моря перед Моисеем. Сразу несколько одобрительно свистят вслед, а потом разражаются гоготом, когда мы заворачиваем на пожарную лестницу.

Здесь никого нет, зато холодно. Свежий ветер – самое то сейчас. Я чуть не задохнулась. От стыда, от смущения, от страха и от духоты. На Бархатова боюсь поднимать взгляд, потому что до сих пор не придумала разумного объяснения своему поступку.

Господи, нюхать чужие кроссовки – как это вообще объяснить? Реально, кринж.

Он скрещивает руки на груди. Так выглядит мощнее, как будто специально хочет продемонстрировать свою потенциальную опасность. Я совсем маленькая рядом с ним, даже на танкетке. Чтобы посмотреть в его глаза, задираю голову.

– Ты их украсть хотела? – Бархатов кивает на кроссовок, в который я вцепилась мертвой хваткой. – А нюхала зачем? БУ-шность проверяла, насколько свежие?

– Что?! – это меня уже возмущает. Голоса минуту назад еще не было, а теперь он вырос до сопрано. – Да за кого ты меня принимаешь?

– А за кого тебя принимать?

Я теряюсь, моргаю и опускаю взгляд.

– Ну, точно не за воровку, – бормочу уже спокойно и тихо.

Меня сильно оскорбляет такое предположение. Да, я бедная, но не настолько, чтобы обкрадывать других.

Хотя, пожалуй, ему пришло на ум самое правдоподобное объяснение ситуации. Действительно, что тут еще подумать?

Я ежусь от холода. Ветер пробивается порывами под юбку и за шею. В капронках уже прохладно. А Бархатову после физкультуры, кажется, жарко. Лицо еще красное. Я впервые вижу его без бейсболки. Под ней волнистые волосы темно-русого цвета. Спереди они длиннее, а сзади и по бокам – короткий ежик. Справа выбрита нота. Однако, модник.

– Тогда что это было? – внимательный взгляд не отпускает.

Щупальца стыда сжимают мне шею и грудь. Голос опять ломается. Я пытаюсь вздохнуть глубоко, чтобы выиграть время, и то не получается.

– Просто… я…

Ну же, соображай. Креативь. Напрягись. Спасайся.

– Просто… мне… понравились твои кроссовки, и я захотела подарить такие же своему парню. Хотела узнать бренд. Вот и все.

Бархатов успевает трижды моргнуть, прежде чем усмехнуться. Он выдергивает из моих рук кроссовок и показывает вид спереди. На язычке четко нарисована пантера в прыжке – логотип «Пумы».

– По-моему, для этого не обязательно их нюхать.

– Да не нюхала я их! – не выдерживаю и вскрикиваю.

Лицо опять заливается жаром. Уши сейчас отвалятся. Я их прижимаю к голове, будто это поможет. Они только горячее становятся. Благо ветер их тут же остужает.

Бархатов всматривается в меня несколько секунд. Сердитость постепенно сменяется улыбчивостью.

– Или ты фанатка моя? В ТикТоке на меня подписана? – ухмылка растекается по квадратному подбородку.

– Что?!

– Да ладно, не стесняйся. Я довольно известный диджей в узких кругах, – он рисуется, закидывая волосы набок свободной рукой.

Даже сквозь смущение мне смешно. Едва сдерживаю порыв расхохотаться. Бархатов, кажется, этого не замечает.

– Если ты хотела украсть кроссовок, чтобы поставить на фанатский алтарь в своей комнате, то простительно. Это все объясняет. Так и быть. Держи.

Он сует мне кроссовок обратно в руки. А я уже не беру. Просто столбенею от такой наглости. И тщеславия. И даже не знаю, что делать. Как-то очень не хочется записываться в его фанатки, но и правду раскрыть не могу. Анжелика меня убьет, если выдам ее. Все же эта версия лучше, чем быть воровкой.

В итоге сдаюсь.

– Ладно, думай что хочешь, – и принимаю кроссовок.

Бархатов усмехается и обнимает меня за плечи по-товарищески.

– Малышка, я все понимаю, я твой кумир, мечта твоих мечт, но не надо до такого безумия опускаться. Повзрослеешь, поймешь, что фанатская любовь – это глупость. Ты симпатичная, встретишь нормального парня, будешь счастлива. Сильно не страдай.

Он трет мне плечо утешающе, и мы входим обратно в школу. Шум коридора накрывает меня волной. Я как будто ото сна пробуждаюсь. От кошмара. Отпрыгиваю от Бархатова и убе-

гаю прочь. Только прибегая в класс, понимаю, что до сих пор держу его кроссовок. Слава богу, в классе никого уже нет.

Какой кринж!

[1] Кринж – англ. Cringe – неловкость, нечто странное, порой до жути.

Глава 8

Успокоение ко мне приходит спустя полчаса возни с платьем. То есть будущим платьем. В мастерской драмкружка есть удобное зеркало. Я верчусь перед ним, пытаясь придумать интересный и простой фасон. Но мне все не нравится, потому что мысли постоянно возвращаются к сегодняшнему позору.

Господи, кажется, это мой удел – вечно плошать и выставлять себя идиоткой.

Одно утешает, что Бархатов не Валентин. Он, в принципе, в этом году окончит школу, и мы с ним никогда больше не увидимся.

Ну, да. Тут еще весь год впереди, считай, но это лучше, чем жизнь. Пусть мнит себя суперзвездой и тешит самолюбие. Мне не жалко.

Ты симпатичная, встретишь нормального парня, будешь счастлива.

Хм, какой мудрец.

Сильно не страдай.

Тоже мне.

Ты симпатичная.

Хм.

Ты симпатичная.

Он реально так считает? То есть я совершенно незнакомому парню, да еще с таким самомнением, кажусь симпатичной?

Воодушевление во мне просыпается на секунду. Но тут же трескается.

А, нет. Это, наверное, было просто утешением.

Я срываю с себя тюль, перемотанный по много раз не так. Хочу беситься, но просто валюсь в кресло-мешок рядом.

Дверь мастерской открывается. За ней Ксюня. Она улыбается радостно, совсем по-другому, не как обычно.

– Я так и думала, что ты здесь.

– А ты зачем пришла?

– Мы же черепа еще недоделали.

Она спокойно пожимает плечами и проходит за стол. Он весь завален заготовками – клей давно высох. Ксюня аккуратно, едва касаясь, проверяет одну штучку и на автомате одергивает палец.

– Точно, – я соглашаюсь и откидываю скомканный тюль на пол.

– А ты чем здесь занимаешься? Костюм новый готовишь?

Она смотрит на мой рюкзак у зеркала и развороченный пакет со шторами. Мне так странно слышать ее голос. Вроде тот же, но какой-то больно мягкий. Снисходительный, что ли. Я смотрю на нее с недоверием, пытаясь сканировать мысли.

– Нет, хочу сделать себе платье для бала, чтобы не идти в старом.

– А почему не купишь… новое? – Ксюня осекается на последнем слове, будто догадывается, что задает неудобный вопрос.

– Денег нет, – стыдиться мне уже нечего. И наверное, бедность видна на глаз. Рюкзак я ношу с седьмого класса, например. Перед Ксюней можно не выпендриваться.

– Это крутая идея, – она одобрительно кивает и садится, положив локти на стол. Подпирает руками обе щеки, отчего они становятся наливными, как спелые яблоки. Аж блестят. Мне не нравится ее настрой.

Мы молчим недолго. Мне нечего сказать. Я чувствую парящую неловкость, которую никак не могу себе объяснить и преодолеть.

– Тебе нравится мой брат? – выстреливает Ксюня и улыбается так счастливо, будто *ей*только что в любви признались.

И сразу попадает мне в печень.

Или что там больнее всего? От чего не сразу умираешь, а мучаешься?

Ксюня потрошит меня взглядом, препарирует с детской жестокостью.

Да, разумеется, Бархатов узнал, что я из драмкружка, и сразу рассказал все сестре.

– Нет! Совсем не нравится. Я просто хотела узнать бренд кроссовок, – мне так хочется ее в этом убедить, что, кажется, я переигрываю.

– Ага, чтобы подарить парню, которого у тебя нет, – Ксюня хихикает и снисходительно машет на меня ладошкой. – Перестань. Все же очевидно.

Я закрываю глаза и роняю голову на грудь.

Да уж. Влипла так влипла.

– Знаешь, я почему-то думала, что тебе Валентин нравится.

Это меня, действительно, пугает.

– Что?! – были бы силы, я бы вылетела снарядом в потолок, но энергии хватает только воздуха набрать в легкие и застыть. – Какой Валентин? Ты о чем? Разумеется, твой брат. Ты же сама сказала, все очевидно.

Я бегаю взволнованным взглядом по комнате. Хорошо, что здесь не такое яркое освещение. И плохо, что толком нет вентиляции, лишь маленькая форточка. Хочется прильнуть к ней, высунув язык, и дышать-дышать-дышать.

Ксюня никак не уберет дурацкую улыбочку с лица и смотрит так…

Аргкх! Чертова Анжелика! Чтобы Слава от нее всю жизнь шарахался!

– Знаешь, ко мне уже подкатывали девчонки, которые хотели со мной подружиться из-за Славы, – Ксюня, наконец, опускает глаза и вешает рюкзак на спинку деревянного стула, на котором сидит. – Но они такие… типа Коростылевой. Не пара моему брату. А ты, кажется, искренняя. Тебе я готова помочь.

Я разеваю рот невольно. Уж в чем, в чем, а в этом мне точно помощь не требуется. Господи, если Ксюня начнет это делать при Анжелике, мне крышка.

Вселенная, я уже спрашивала, во что вляпалась? Где мой ответ?!

– Ой, да что ты… Не нужно, – я встаю и начинаю ходить по комнате. Благо здесь больше места, чем дома, можно разгуляться. – Он меня уже отшил. Я это приняла. Тем более, у него есть девушка… Не буду им мешать…

– Девушка? – Ксюня таращит глаза. – Это он тебе сказал?

А что, нет? Люсе он тоже отказал, получается? Блин.

– Нууу… я это… сама поняла, – руки витают в воздухе где-то рядом с лицом, словно не мои. Я ими не управляю.

– Да нет у него девушки. Если ты про Белкину, то она застряла во френдзоне. И вряд ли оттуда выберется, – в голосе Ксюни чувствуется легкая гордость. И важность.

– Может, ты просто не знаешь? – выдавливаю последнюю попытку.

– Да знаю я все. Он же мой брат.

Она закатывает глаза. А я еще определяю, радоваться этой новости или нет. Может, если я принесу Анжелике благую весть, она будет ко мне снисходительнее?

Ксюня водит пальцем по столешнице и хихикает про себя. Я смотрю на нее с подозрением.

– Что?

– Да ничего, – она поджимает губы, но глазами уже щурится от смеха. – Я понимаю, любовь сводит с ума, но знаешь, нюхать кроссовки – это борщ.

И взрывается хохотом. Я сначала злюсь и сжимаю кулаки, а потом понимаю, что Ксюня при мне еще никогда так искренне не смеялась. Расслабляюсь и заражаюсь ее весельем. Дей-

ствительно, со стороны ситуация ужасно глупая. Меня тоже пробирает смешинка. Мы обе очень долго не можем остановиться. Пока последние слезы не вытекают из глаз. И животы не начинают болеть.

Отойдя от смеха, Ксюня подходит к выброшенному мной тюлю и спрашивает:

– А какой фасон ты хочешь?

Я выдыхаю остатки веселья и плетусь за ней к зеркалу.

– Не знаю. У меня такая конституция антиуниверсальная. Мало что подходит.

– Ты стройная зато, – Ксюня с завистью скользит взглядом по моей фигуре. Мне неловко. Спешу оправдаться.

– Слишком. Все хорошо в меру. Вот как у тебя.

Ксюня опять розовеет и улыбается, не по-идиотски, а благодарно.

– Мне кажется, тебе только талию надо подчеркнуть, и тогда будет огонь, – замечает она вдохновленно и оглядывает меня в зеркале.

Да, я как раз этого и добиваюсь. Но тюля мало, чтобы получить пышную юбку. Верх я уже решила сделать из гардин. Они жаккардовые, бежево-розовые с крупными цветами и непонятными завитушками. Не элегантно, зато ярко.

– Как думаешь, все поймут, что это шторы? – спрашиваю у Ксюни удрученно.

– Ну, даже если и поймут, что с того? По-моему, это круто самой сшить себе платье. Хоть из чего.

Мне очень хочется с ней согласиться, а внутри что-то мешает. Застряло и все, не идет дальше. Но мы все равно кучу времени убиваем на то, чтобы придумать фасон.

Ксюня старается, ходит вокруг меня, осматривает внимательно. Вероятно, ищет, за что зацепиться, но я со всех сторон плоская. Она помогает перематывать тюль и плотную занавеску. Придерживает где надо, открыто критикует, если ей не нравится. А все не то и не так.

Только спустя два часа, бросив недоплатье, мы принимаемся за черепа. Ксюня боится их красить, думает, что напакостит случайно. Приходится потратить минут десять на уговоры. Я тоже поначалу много портачила и перекрашивала по тысячу раз, но все поправимо. Наконец, Ксюня соглашается. Мы придаем черепам из ваты натуральный цвет – бежевато-желтоватый.

– Хочешь, завтра в столовой подсядем к Славе и его друзьям на обед? – внезапно предлагает Ксюня.

У меня голос падает на дно желудка. Приходится прочищать горло, пытаться его поднять. Я не сразу отвечаю.

– Что ты? Не надо так явно действовать. Мне неловко. Я сперва хочу узнать о нем побольше.

Раз Ксюня сама предлагает помощь, грех этим не воспользоваться.

– Дату рождения, например. Хочу проверить нашу совместимость.

Я вспоминаю специальные сайты, где по цифрам в датах рождения эксперты предсказывают, насколько люди подходят друг другу в партнеры. С Валентином я такой фокус уже проделывала. Сайт показал меньше тридцати процентов, но меня это не страшит. Я в такие бредни не верю.

А Ксюня заинтересовалась.

– Правда? И как это?

Она уже держит поисковик наготове. Я достаю свой смартфон и нахожу десяток подобных сайтов. Ксюня называет дату рождения Славы, а я запоминаю: восьмое апреля. Первый сайт выдает нам с ним совместимость на девяносто пять процентов. И рекомендует побольше времени проводить друг с другом.

– Вау! Вот видишь, я это сразу считала, – в Ксюниных глазах восторг, а на щеках смущение. Она спрашивает осторожно. – А можно мне тоже?

Девчонка заглядывает в экран, чуть ли не носом тыкается.

– Тебе тоже кто-то нравится? – я уже знаю, но мне хочется посмаковать этот момент.

Ксюня краснеет вся, мне кажется, даже пальцы становятся румяными, и уводит взгляд в сторону.

– Ну, есть один парень.

– Не скажешь, кто это? – мне почти обидно. Я ей, получается, сердце свое открыла, а она… стесняется.

Хотя сразу вспоминаю, что сфальшивила. И мне даже стыдно, ведь Ксюня назвала меня искренней. А я ее использую. Как и Анжелика. Возможно, хуже, потому что Коростылева не стала резко менять свое отношение к Ксюне, даже ради брата. Да, меня эксплуатирует, но все равно. С Ксюней она честна, а я… Еще и на доверие рассчитываю.

Но я же не буду издеваться над ней из-за симпатии к Дегтяреву. И вообще, хочу ей помочь. Это же искренне. А с братом – меня вынудили.

Тяжесть оседает где-то на дне души.

– Ты, наверное, посмеешься надо мной, – Ксюня сама улыбается.

– Почему?

– Ну, он старше меня на целых два года. И Славин друг.

Я не выдерживаю:

– Дегтярев?

Ксюня бросает в меня одновременно радостный и испуганный взгляд. Наверное, ей легче, что эту фамилию произнесла не она. Все-таки ей хочется делиться чувствами и переживаниями, просто раньше, очевидно, было не с кем. Меня даже удивляет, как легко я вторглась ей в доверие. Совесть все-таки щиплет.

– Это тоже очевидно, да?

– Да нет, просто он вроде как лучший друг твоего брата. Я потому и предположила.

Ксюня уводит лицо в сторону, сдерживая улыбку, и натягивает капюшон на голову.

– Не вижу ничего смешного, – мне надо продолжить разговор. – Я вон вообще в твоего брата влюблена. Хотя не знаю его толком.

Она хихикает.

– Наверное, поэтому ты в него и влюблена, что не знаешь. Это он в школе типа крутой. А дома… бесит меня по сто раз на дню.

Мы обе смеемся. Я не знаю, какого это иметь брата или сестру. Мы с мамой всегда были вдвоем. У меня даже двоюродных нет. То есть они все сильно старше, совсем взрослые, со мной особо не общаются. У некоторых уже свои дети.

Но почему-то мне кажется, что Ксюне со Славой дома весело. Есть с кем побеситься хотя бы. Я всегда одна. Мама приходит поздно. Мы порой не успеваем и поговорить.

– А чем бесит? – мне правда интересно.

– Да блин всем. Врывается ко мне в комнату без спроса. Музыкой постоянно гремит. Все соседи на нас жалуются. Или вот приспичит ему фильм посмотреть, и я должна с ним смотреть, потому что одному скучно. Ему, видите ли, обсуждать с кем-то надо, – Ксюня закатывает глаза, водя кисточкой по глазнице черепа. – Или Ваню в гости позовет в самый неудачный момент. Когда я в пижаме и с грязной головой.

– А он знает, что Ваня тебе нравится?

Ксюня таращит на меня глаза.

– Неет! И ты ему ни в коем случае не говори!

– Да не буду, разумеется, – улыбаюсь. Внутри я уверена, что мне и возможности такой не представится. – Ты про мою фанатичную любовь тоже никому не говори, пожалуйста. Я не хочу, чтобы надо мной смеялись.

Ксюня кивает серьезно и закрывает рот на невидимую молнию.

– Я все понимаю.

Мы закрепляем взглядом и улыбкой неписаную сделку.

Дальше Ксюня много и в деталях рассказывает о Дегтяреве, о том, какой он добрый и как классно играет на разных инструментах, вспоминает забавные истории с ним и ее братом. Я слушаю внимательно, пытаясь выловить в этом что-нибудь полезное для Анжеликиной анкеты. Ничего нового не узнаю, а мне все равно любопытно. У них словно другая жизнь. Насыщеннее, что ли.

– Я хочу поменять платье. Все-таки возьму то, с открытым плечом, – заявляет Ксюня, пока я закрываю мастерскую на ключ. – Сходишь со мной?

– Конечно. Погнали опять на самокатах.

Я не могу отказать себе в этом удовольствии. Эти катания составляют большую часть моих карманных расходов. Мне надо сохранить сбережения на выходные. У всех ребят свои электросамокаты, поэтому они могут ездить на них неограниченное время, а я всегда арендую и считаю каждую минуту. Мне хочется накататься вдоволь и подольше побыть с Валентином, но обычно денег не хватает, и я вынужденно ухожу раньше. Я обещала себе, что не буду больше в будни тратиться на самокаты, но не могу не разделить с Ксюней эту радость.

Домой я опять возвращаюсь поздно. Мама уже на кухне, жует бутерброд и смотрит женский стендап. Я боюсь заходить туда, а желудок буквально стонет от голода. Топчусь в ванной. Наверное, рассчитываю, что мама скоро закончит и уйдет в комнату, а там ляжет спать, и мы не пересечемся. Надежды не оправдываются. Приходится выходить.

Мама оборачивается на меня еще до того, как я пересекаю проем. Я сразу прячу глаза в пол и двигаюсь к холодильнику. Макароны с сосисками мы вчера доели, а ничего нового я не приготовила. И сегодня нет сил. Сделаю бутерброд с сыром. Голод должно притупить.

– Где ты пропадала? В драмкружке опять? – спрашивает строгий голос.

Я киваю молча.

– Зачем ты тратишь на это столько времени? Лучше бы училась.

Мама сует в рот остатки бутерброда и запивает черным чаем. Мне хочется сказать, что большую часть времени я потратила на платье, которое не могу себе позволить, но гордо молчу.

– И что ты сделала с занавесками? У нас их не так много, чтобы кромсать налево и направо.

– Тебе и занавесок на меня жалко? – вырывается на высоких нотах.

Я кладу сыр на стол и врезаюсь в него ножом. Кусок выходит неровным и толстым, но так даже лучше, ибо я голодная. Батон уже нарезан. На приготовление ужина уходит всего минута.

– Лер, – мама вздыхает, – просто объясни, зачем портить хорошие шторы, когда у тебя есть готовое и красивое платье. Чем оно тебе не нравится?

– Тем что оно старое! И уже ношенное! И свадебное. Это не такой бал. Как ты не понимаешь?

Я смотрю на маму слезливыми глазами. Ее лицо выражает недоуменное равнодушие. Конечно, ей сколько уже, полжизни прожито. Она и не помнит, что такое быть школьницей.

– Не бойся. Не покромсаю я твои драгоценные шторы. Сделаю себе платье без единого шва!

Это сильно усложняет мне задачу, но я не хочу уступать. И не буду. У меня еще есть время. Что-нибудь придумаю. Я видела ролики, как девушки из обычного куска ткани крутили шедевры без единой булавки. Должно получиться.

Положив два бутерброда на тарелку, я ухожу в комнату, чтобы там поесть и успокоиться. Мама еще долго возится на кухне. Масло шипит – готовит что-то. Я съедаю хлеб с сыром за два прикуса, а дальше принимаюсь за сценарий пьесы для Хэллоуина, ведь завтра у нас первая репетиция. Слов у меня почти нет, но все равно надо быть в курсе, как себя вести, что за чем идет и т.п. Параллельно слушаю в наушниках МакSим. В ее песнях всегда много тоски – подходит для этого вечера, как и для жизни в целом.

Глава 9

Наутро Анжелика встречает меня у ворот школы. Явно, специально ждала. Она скалится самодовольно и хватает меня под руку, словно мы лучшие подружки. Так мы и идем по двору.

На улице резко холодает. По моим ощущениям. Ветер подвывает, а солнце не торопится просыпаться. И небо, сдавленное тучами, выжимает морось.

– А ты молодец, проворнее, чем я ожидала, – хвалит меня Коростылева. – Белкина, значит, во френдзоне. Как ты это узнала?

– У Ксюни спросила, – отвечаю честно. Придумывать что-то еще у меня нет времени и желания.

– Хм. Надеюсь, она ничего не заподозрила? – Анжелика сверлит меня взглядом, подозревает.

– Вроде нет. Она сама заговорила о брате.

– Хорошо, – ее хмыканье меня настораживает. – Позови Ксюню с нами на покатушки в выходные.

– Зачем?

– Просто так, за компанию. Я видела, как вы уезжали вместе на самокатах. Она, значит, тоже катается.

Возразить мне нечего.

Я приглашаю Ксюню в мессенджере, успев решить задачи по физике раньше других, но не тороплюсь сдавать работу. Хочу остаток урока побездельничать с пользой.

Ксюню это предложение тоже настораживает.

«А ребята не будут против? Коростылева меня вроде не любит».

«С чего ты взяла? Ребята не будут против. И Анжелика… она так-то нормальная. Обычно это весело. Чем больше народу, тем интереснее», – пишу я, а сама не могу оценить, насколько это правдоподобно.

«Ну, хорошо. Только у меня нет самоката».

«У меня тоже. Арендуем», – я высылаю много веселых эмодзи.

Ксюня присылает в ответ большой стикер с жестом «Ок».

Переписка вроде закончилась, но я вспоминаю, что у меня осталась еще куча вопросов о Славе. И надо их выудить, пока она готова мне помогать.

«Ксюнь, а можно вопрос о брате?»– начинаю деликатно.

«Конечно, – она подмигивает смайликом. – *Спрашивай, что хочешь»*.

Будь моя воля, я бы выкатила буквально весь список, пусть Ксюня за меня заполнит, но понимаю, что это будет слишком палевно. Надо собирать информацию по крупицам, будто меня, действительно, все это волнует.

«А какая у него любимая книга? Что он читает?».

«Пфф. Слава? Читает?– Ксюня ржет со слезами из глаз. – *Максимум, что он прочитал, это инструкцию по настройке микшера»*.

Я улыбаюсь и вписываю напротив «Любимые книги» жирный прочерк.

«А тогда, какие фильмы любит или сериалы?».

Ксюня долго не отвечает. Я уже боюсь, что она там все перечисляет, но приходит короткое сообщение.

«Да все подряд. Экшен, в основном. Всякую фантастику, комедии. Как все».

Ага. Я вычеркиваю «Марвел» из списка ответов. Правлю на «Экшен, комедии».

От Ксюни прилетает дополнение:

«Если хочешь позвать его в кино, то выбирай ужастик с призраками. Он их жутко боится. В кинотеатре будет кричать громче всех. И полезет к тебе обниматься. Проверено тысячу раз».

Ксюня опять подмигивает кокетливо. А я смеюсь. В графе «Страхи» отмечаю «привидения».

«Ты не хочешь есть? Я могу и брата позвать. Пообедаем вместе?».

«Только без брата. А так давай», – печатаю быстрее, чем соображаю, и непроизвольно оглядываюсь на Анжелику. Она плетет из длинных волос толстую косу. Видимо, тоже уже все решила и досиживает.

Моя компания пойдет обедать только после третьего урока, поэтому могу не бояться. Я благодарна Ксюне за приглашение и рада этому.

Мы договариваемся встретиться на входе в столовую. Я иду по коридору второго этажа, быстро семеня. Телефон вибрирует в кармане. Достаю и ахаю – Бархатов.

Что за?

Секунду размышляю, решаю не брать ни за что и поднимаю трубку.

– Так и знал, что это ты вчера мне названивала, – раздается в динамике и сзади.

Что?!

Я оборачиваюсь и вижу высокую фигуру в бейсболке, которая идет на меня с усмешкой. Это меня парализует. А Бархатов ведет себя как ни в чем не бывало. Смотрит открыто, не боясь и не стесняясь. Даже неловкости нет. Я ее не чувствую. Удивительно.

– Привет, фанатка. Скажи, как звать? – он сбрасывает звонок и держит большой палец наготове, чтобы печатать.

Первым делом я озираюсь по сторонам. Не дай бог, Анжелика где-то рядом. В коридоре толпятся ученики. Трудно выделить конкретного, но я успокаиваюсь догадкой, что уже почувствовала бы убийственный взгляд Коростылевой, если бы она нас заметила.

– Лера. Палкина, – выдавливаю несмело, сама еще в шоке. – Зачем тебе?

Бархатов вписывает «Лера Палкина Фанатка» в контакты и сохраняет.

– Чтобы знать, на чьи звонки отвечать не стоит, – усмехается он. – А то будешь дышать мне в трубку.

Я, наконец, прихожу в себя и надуваюсь. Как матрас. Медленно и с натугой.

– Не бойся, я поняла, что ты – недостижимое солнце. Больше доставать не смею.

– Не сердись, малыш. Я не могу отдать тебе сердце, но в музыке частичка моей души. Слушай и наслаждайся, – парень подмигивает и обходит меня, выворачивая шею. – Если что, у меня еще канал в телеге[1] есть. Ссылка в личном профиле.

Меня бесит его уверенность в собственной звездности.

– О, спасибо, что напомнил. Как раз собиралась отписаться, – бурчу, оставаясь на месте.

– Не занимайся глупостями. Бунтарством ты не добьешься моего расположения.

Он разворачивается полностью спиной и, надев наушники, уходит легкой походкой. А я в ступоре.

Что это было?!

Мы с Ксюней встречаемся у входа в столовую и выстаиваем небольшую очередь. Пока стоим, я ищу подходящие формулировки для вопроса, насколько Слава адекватен, а за столом выдаю:

– Ты не замечала за братом признаков звездной болезни?

Ксюня от смешка чуть не сплевывает рис обратно в тарелку и прикрывается ладонью.

– А что? Он уже просил целовать ему руки?

Теперь я смеюсь и пересказываю коротко, что произошло в коридоре ранее. Ксюня отмахивается.

– Да он выпендривается просто. Всегда таким был. Ты его первая фанатка. Он этому дико обрадовался.

– Правда? – зачем-то переспрашиваю, хотя с первого раза поверила. Просто это забавно.

– Ага.

– Он смешной, – не выдерживаю и хихикаю.

– Скажи ему об этом. Спусти с небес на землю.

Ксюня захапывает огромную ложку плова и заедает булкой. А я не могу перестать улыбаться. Меня смешит вся эта ситуация: с кроссовками, фанатизмом, мнимой влюбленностью. Но я начинаю вживаться в роль и даже подмечаю:

– Диджеит он, действительно, неплохо. На дискотеках все отрываются.

– Есть такое.

Я смело признаюсь в своем невежестве, ведь абсолютно ничего не понимаю в диджеинге. И на уроках музыки я витала в облаках. Наверное, мечтала о Валентине, пока остальные разбирались в нотах и ладах. А Ксюня, очевидно, много знает от брата, и меня вводит в курс дела. Мы болтаем до самого звонка, а потом несемся на уроки стремглав.

На следующей перемене я по инерции вскакиваю с места и несусь в столовую. Только по дороге вспоминаю, что уже ела. Решаю, что просто посижу за компанию. Заодно подсмотрю, чем сегодня будет питаться Слава. От нечего делать в очереди я всовываю наушники в уши и включаю его ТикТок.

В роликах Бархатов танцует, параллельно миксуя на пульте. Энергичная музыка затягивает. Повторяющийся ритм и биты как будто зацикливают тебя в моменте. А движения завораживают. Слава постоянно крутит какие-то тумблеры, передвигает переключатели, скользит пальцами по диску и пританцовывает. Между прочим, пластично.

На школьных дискотеках я еще не встречала парней, которые бы хорошо танцевали. Все как-то дергаются или ломаются, смущаются сильно, предпочитают просто стоять или двигать только руками. Валентин вообще не танцует. Всегда стоит в сторонке. Даже девчонкам в медляках отказывает.

А Слава ничуть не зажат в движениях, легко попадает в такт, весь его корпус подстраивается под музыкальный ритм. Раньше я вообще не обращала внимания на него, как и на все то, что творилось за диджейским пультом. Просто он обычно спрятан где-то поближе к сцене, за кучей оборудования. В темноте и тесноте мне мелкой толком ничего и не увидеть. Наверное, Слава и на дискотеках танцует. Именно так он себя и снимает, скорее всего. Обстановка на фоне плохо различима, но мой мозг уже достраивает знакомые шторы, стены и полы вокруг диджея на видео. А может это специальная студия, не понятно.

В общем, Славины ролики завлекают простотой и динамичностью. Не удивительно, что набирают просмотры. В его ТикТоке много ремиксов на какие-нибудь нестандартные вещи. Например, электро-фольклор: народные песни в современной обработке, да еще с подгонкой под разные жанры. Звучит оригинально или забавно. Когда как.

– Смотри, Барх, она реально твоя фанатка, – раздается за спиной, а следом смех.

Несколько парней во главе с Дегтяревым стоят за мной, навалившись друг на друга, и заглядывают мне через плечо в экран. Я так увлеклась, что даже их не почувствовала. Но только осознаю все, вжимаюсь в витрину столовой и таращу глаза. Сказать ничего не могу.

Господи, частота неловких ситуаций на день моей скромной жизни увеличивается в геометрической прогрессии. Когда все это закончится?

– А то, – Бархатов выходит из толпы, держа кулаки в карманах бомбера, и вскидывает подбородок горделиво. – Я же говорил, что популярен.

Пацаны смеются. Другие ученики в столовой на нас оборачиваются. Даже кассирша улыбается. А я понимаю, что вот-вот появятся Анжелика и Валентин. Опасность близко.

Дегтярев первым успокаивается и переводит на меня любопытный взгляд.

– Бедняжка, ты мазохистка или глухая? Это же без боли слушать невозможно.

– Иди ты! – Бархатов толкает его в плечо и выметает рукой к выходу, а потом смотрит на меня убежденно, и я сразу чувствую себя защищенной. – Не обращай внимания на этих идиотов.

Мне остается только кивнуть. Еще было бы неплохо убежать, чтобы Анжелика нас не застала. Но Славин уверенный взгляд пригвождает меня к витрине. А за ним еще с десяток других, таких же внимательных.

– И вообще, малышка, никому не позволяй сомневаться в своем вкусе, – Бархатов тычет пальцем мне в грудь, не касаясь. – Наоборот, активно убеждай других. Пусть нас становится больше. Чем нас больше, тем мы сильнее. Так что шэрь[2] мои посты из телеги.

Мой взгляд мечется к входу – там пока не появилась Анжелика, значит, еще есть шанс смыться по тихой. Я киваю Бархатову и поначалу осторожно обхожу, сама не знаю, чего боюсь, а потом несусь со всех ног к дверям.

– Довел единственную фанатку, – усмехается Дегтярев.

– Кипятком писаться побежала, наверное. Не выдержала счастья, – Бархатова, очевидно, сложно смутить и застыдить.

Гогот парней быстро заглушается, как только я выбегаю в коридор. Тут же натыкаюсь на Анжелику с компанией.

Фух. Пронесло.

– Ты куда? – удивляется Валентин, заглядывая в проем столовой.

– Приспичило, – краснею. – Извините.

И снова срываюсь с места.

– И что, нам теперь в очереди заново стоять? – Анжелика возмущена. – Минуту не подождать было?

– Ну, приспичило человеку. С кем не бывает, – успокаивает ее Валентин.

Мне стыдно перед ним, но я не реагирую. Сердце бьется так тяжело, что и мозг трясется. Все мысли в нем переворачиваются.

Блин, надо поскорее добыть уже всю информацию и перестать так жить. Только как потом быть с Ксюней и Славой?

[1] Телега - сокращ. сленг от «Телеграм» (Telegram).

[2] Шэрить - от англ. Share - делиться

Глава 10

После уроков мы собираемся в актовом зале для первой репетиции нового спектакля. Мне редко дают роли, поэтому на репетиции я почти не хожу, обычно сижу в это время в мастерской, с Ксюней или одна, готовлю реквизит и костюмы либо бегаю по блошиным рынкам в поисках нужного.

Гимназия выделяет небольшой бюджет на постановки. Бюджет более чем скромный, поэтому нам с Мариной Антоновной приходится креативить. Я у нее многому научилась за пять лет. Как наносить грим, как шить простые платья и рубахи, как делать что угодно из папье-маше и вообще. В принципе, такая работа руками успокаивает и легко завлекает. Мне грех жаловаться.

Но я радуюсь каждой возможности побыть с Валентином. И когда мне дают роли, не пропускаю ни одной репетиции. А в этот раз я аж главная злодейка. Даже Ксюня не прошла этот кастинг, наверное, она слишком розовощекая и милая для злого привидения.

– Так, первая сцена, действующие лица, выходим, – командует Марина Антоновна.

Она сама выглядит сошедшей с Чеховских страниц героиней. Высокая, плечистая и в очках. Волосы по-монашески прилизаны и собраны в низкий хвост. Платья всегда темных оттенков, длинные, с высокими воротниками и рукавами-манжетами.

В первой сцене меня еще нет. Там Валентин забредает в темный лес со своим верным другом – говорящим псом, которого играет Кузьмин.

Я любуюсь Валентином, всегда, когда есть возможность. Глаз не отрываю. Пока мне не прилетает сообщение в телеграме. От Бархатова. Причем не из публичного канала, а личное.

Это настолько удивительно, что я даже открываю.

«Подготовил сет для осеннего бала. Вся классика в фирменной Барховской обработке. Зацени. Между прочим, тебе первой даю послушать, как самой верной фанатке».

Что? Ты успокоишься когда-нибудь, звезда? Реально, кем он себя мнит?

Но я почему-то послушно достаю наушники и включаю высланные им аудиодорожки.

Хм, а действительно, звучит… интересно. Легко узнается знаменитая мелодия Чайковского из «Щелкунчика». Перезвоны колокольчика в ней заменяют электрические вставки. Да, именно такие, по-другому не описать. Я чувствую их фибрами, даже если не знаю, что это вообще такое. Но пробирает.

– Леерааа! – тянет Марина Антоновна грозно.

Блин! Я что пропустила свой выход?

Неуклюже слезаю с высокого табурета и бросаю на него телефон. От волнения не сразу соображаю, что выйти надо медленно, как положено по сценарию, и буквально вылетаю пулей. За мной раздается грохот, а затем и музыка кричит на весь зал. Наушники остались в моих ушах, а телефон теперь валяется на полу.

Все замирают и следят за каждым моим движением. В глазах Марины Антоновны назревает ярость. Валентин тоже хмурится. А Ксюня, наоборот, сначала удивляется, а потом улыбается. Я несусь обратно к табурету.

Фух. Стекло треснуло, но экран вроде работает. Вытираю пот со лба и тыкаю пальцем на кнопку «play». Музыка не утихает.

Черт!

Я тыкаю еще раз, и еще, потом двумя сразу. Экран не слушается.

– Наушники воткни обратно, – не выдерживает Валентин.

Он уже скрестил руки и угнетает меня взглядом.

Господи, надо же так испортить свой первый значимый выход.

Я делаю, как сказал Валентин, и воспроизведение, наконец, останавливается в самом приложении. Блин, еще и телефон разбила. Мама меня убьет.

Бархатов, зазвездившийся гад!

Ладно, надо брать себя в руки. С телефоном потом разберусь.

Во второй раз я выхожу гораздо медленнее, но понурой. Совсем не выгляжу грозной. Понимаю это по закатывающимся глазам Валентина.

– Так не пойдет, – Марина Антоновна, как дирижер, сжимает в кулаке воздух и пуляет им в меня, распуская ладонь, а я получаю плотное презрение. – Это должно быть жутко. Заново. Как можно неестественнее.

Коростылева с Еловской усмехаются. По Ксюниным глазам видно, что она за меня переживает. Мне становится еще постыднее. Но больше всего добивает укоряющий взгляд Валентина. Он время репетиций впустую тратить не любит.

Все сцены я кое-как вытягиваю. Утешаю себя тем, что это первая репетиция. Еще есть возможность наверстать. Буду заниматься дома перед зеркалом, как посоветовала Марина Антоновна. Она сердится на меня, поэтому не смотрит. За ней постепенно уходят остальные.

Мы с Валентином последними остаемся на сцене. Внизу копошатся некоторые. Среди прочих вижу Ксюню. Она мнется на месте.

Валентин поворачивает ко мне лицо. Я не могу сдержать улыбку, хотя, наверное, выгляжу по-дурацки. Хочу вложить в этот взгляд всю гамму эмоций, которые испытываю: стыд, сожаление, восторг.

– Ты сильно зажата, – говорит он, двигаясь ко мне по прямой.

Я от неожиданности даже отступаю на шаг. Только потом останавливаюсь.

– Оттого движения, которые должны выглядеть устрашающе ломанными, кажутся неуклюжими.

Мне нравится, как он выражается. Так… профессионально, что ли. Я внимаю.

Валентин подходит совсем близко и встает всего в шаге от меня. И смотрит прямо в глаза. Таким серьезным взглядом. Господи, как трепыхается сердце.

Угомонись! Ксюня ведь следит за нами.

Не выдерживаю и опускаю голову.

– Наверное, ты слишком добрая для злого духа, – он улыбается.

Блин, я таю, как мороженое. Сейчас как растекусь по сцене белой жижей.

– Знаешь, мне помогает вжиться в роль какая-нибудь соответствующая эмоция, – Валентин закусывает губу и складывает руки на груди. – Например, я специально вспоминал кошмары, которые меня пугали в детстве, чтобы воспроизвести страх. Это дает запал.

О боже, он опять смотрит на меня. Уши горят. Коленки подкашиваются.

– Тебе, возможно, надо вспомнить что-то несправедливое, на что ты злилась. И эту злость вылить на сцене.

На что я злилась? Хм. На Бархатова, однозначно. До сих пор злюсь. И на Анжелику. Они так усложнили мою жизнь…

Да, думаю, в следующий раз я воспользуюсь этим советом рационально. Буду проклинать обоих до седьмого колена. И вылью все на сцену.

Мой телефон… Разрыдаться так хочется. Но не могу позволить, чтобы Валентин увидел меня плаксой.

– Спасибо, – улыбаюсь ему в ответ с благодарностью.

– Давай, не подведи.

Он теребит меня по голове и спрыгивает со сцены. А я смакую его прикосновение еще несколько секунд, пока Ксюня меня не окликает.

– Лер, ты идешь?

Забрав телефон, я тоже спрыгиваю и иду за ней. Прячу виноватые глаза в полу. Не знаю, откуда этот стыд. Как будто я кого-то предала.

Мы выходим из зала в пустой коридор школы. Основные занятия закончились. После обеда проходят только факультативы и кружки. Все сидят по кабинетам. В целом во всем здании тихо.

– Ты Славин сет слушала, да? – Ксюня улыбается непринужденно. – Ты, правда, его фанатка.

Нет, все-таки я хорошо держалась. Видимо, не выдала никак свои чувства к Валентину. Выдыхаю.

– Он мне сам прислал, – тоже пытаюсь улыбнуться, но без слез на телефон взглянуть не могу.

– О, разбился? – Ксюня берет меня за руку и разворачивает ладонь так, чтобы экран был виден. – Жесть.

Я тыркаю пальцем. Показываю, что работает. Раза с пятого, правда, отвечает на команды, но лучше, чем ничего.

– Сама виновата. Главное, не сломался.

Уверена, мама именно так и скажет. Этому телефону всего два года, новый мне до окончания школы не светит.

– Ну такое… – Ксюня косится на трещины. – По-моему, это неплохой повод обновиться. Я всегда телефон разбиваю, когда он мне надоедает. У предков как бы выбора нет. Покупают другой. Покруче.

Она хихикает. А мне плохеет с каждой ее новой фразой. На мою маму ничто не подействует.

– Скорее, я буду ходить без телефона еще три года, чем мама мне купит новый, – выдаю удрученно.

Ксюня опускает уголки губ и поднимает брови. Представить себе такого, очевидно, не может. Мне хочется сменить тему.

– Ты зря меня ждала. Я спущусь в мастерскую, над платьем подумаю, а то бал уже в пятницу.

– Как раз хотела предложить, – она подхватывает меня под руку. – Я все равно Славу жду, еще часок могу с тобой побыть.

Ксюня сама ведет меня на минус первый этаж. По дороге учит раскрепощаться на сцене. Рассказывает, как в первые разы сильно сжималась, и как усилием воли переступила через собственную стеснительность. Долго тренировалась перед зеркалом, потом перед псом, а затем и перед семьей.

Мне остается только вариант с зеркалом. Домашних питомцев у нас нет – лишний рот нам не нужен. А маме мои кривляния не интересны. Скажет опять, что я фигней страдаю, что все это несерьезно, что еще не поздно взяться за ум и поступить в хороший вуз на перспективную специальность.

Мы приходим в мастерскую.

– Вот Слава от природы нескромный. Иногда до смешного, но, я думаю, это ему сильно помогает, – Ксюня кидает сумку на пол и садится на табурет, положив руки на стол, как первоклашка.

А я подхожу к своим занавескам: тюлю и жаккарду, из которых мне надо без единого шва смастерить платье. Я, конечно, кучу видео пересмотрела, как крутить наряды, а в голове все равно не укладывается.

Поэтому я продолжаю разговор и заодно выполняю задание Анжелики.

– А кем он хочет стать?

Ксюня подходит ко мне и внимательно смотрит на тюль, подперев подбородок рукой.

– Диджеем, разумеется.

Я не удивлена. Даже стыжу себя за глупый вопрос. Накидываю жаккард на плечи, представляю пышный ворот, многослойный, импозантный. В сорок мне бы пошло.

– То есть он не планирует никуда поступать?

– Папа его заставляет получить высшее образование. Любое. Слава думает пойти на музыкального менеджера. Нашел какую-то одну программу во всем Питере.

Я хмыкаю и скидываю жаккардовую гардину с себя. Ксюня вдруг перекручивает мне тюль через талию и тянет два конца наверх, а затем перевязывает их на шее.

– Вот так отлично смотрится! – зеленые глаза сияют.

– Нет, мне такое не нравится, – нагло вру, потому что смотрится, действительно, хорошо, но мне не подходит. Не с моим силиконом. И вообще, тюль слишком прозрачный. Нужна подкладка, которой у меня нет. Тюль если только поверх чего-то использовать можно, для нарядности.

Я скидываю его и берусь опять за жаккард.

Ксюня предлагает тот же фасон, но с плотной тканью он выглядит убого. Такому платью нужна воздушность. А это висит тяжким грузом на плечах, как наказание. Мы перекручиваем опять.

Крутим снова и снова. Час быстро проходит. В мастерской открывается дверь, и за ней появляется бейсболка. Я уже по одному козырьку Бархатова узнаю. Во мне за мгновение рождается порыв подбежать и стукнуть дверью о его башку. Смачно, раза три, с силой. Но не при Ксюне же. Жалко портить неокрепшую психику.

– Закончили? – спрашивает Бархатов, вылезая из-за двери полностью. – О, фанатка! Послушала, что я скинул?

Улыбочка, как всегда, на лице. Наушники, как всегда, на шее. Задушила бы! Интересно, что сломается раньше: металлический ободок или его позвонки?

Ксюня идет навстречу брату, по пути хватая рюкзак с пола. Я делаю два неуверенных шага следом. Просто… провожаю, наверное. Или все-таки не теряю надежды как-нибудь повредить Бархатова. Чем бы то ни было.

– Мой телефон треснул от твоей музыки! – демонстрирую утрату на вытянутой руке, словно защищаюсь от вампира.

Ох, эта злость до самого Хэллоуина из меня не выльется. И еще накопится за месяц, уверена. Я таким злым призраком стану. Бархатову всю жизнь буду в кошмарах являться после.

Ксюня смеется. Слава усмехается.

– Ты, видимо, слишком крепко его сжимала в экстазе.

– Ооу, – Ксюня опять углубляется в капюшон и чирикает, как из дупла.

Меня они теперь оба бесят. Я закипаю.

– Да иди ты! Зазнайка чертов! Нафиг ты мне скинул это вообще? Если бы не ты, мой телефон был бы цел. И репетиция прошла бы нормально.

Ксюня что-то шепчет ему из-под капюшона. Бархатов прозревает, аж брови раздвигаются, а потом смотрит на меня с усмешкой.

– Я же не виноват, что ты кайфуешь от моей музыки. Прости. Плохо делать не умею.

Ксюня зыркает на меня блестящими глазами и заливается смехом. Наверное, ее смешит мое красное лицо. И пар из ушей. И бешеный взгляд, направленный на Бархатова.

– Дай сюда. Неужели все так катастрофично?

Он быстро оказывается рядом и выхватывает телефон из моей уже слабой руки. Еще секунду назад этот кулак чесался ему врезать. А теперь размяк. Как и я вся.

Слава тыркает пальцами по экрану, слушает звук, проверяет блокировку.

– Да норм все. Отдам другу. Он умелец, починит. Походи пока так.

Телефон Бархатов при этом кладет себе в карман.

– Эй! Отдай! – я бессильно тяну руку за своим сокровищем. Сама себя представляю Голлумом из «Властелина колец». Такой же истощенной до безумия.

Ксюня меня успокаивает:

– Не бойся. Мы вернем его в целости и сохранности. У Славы, правда, есть друг, который такие вещи на раз-два чинит.

– Сколько это будет стоить? – разогналась, теперь не могу перестать злиться. Карманные расходы мне для другого нужны. Я вообще сомневаюсь, хватит ли их, и, прежде чем получаю ответ, вскрикиваю. – Неважно! Не надо мне такого!

Сделав уверенный шаг на Бархатова, лезу в его карман за телефоном. Он успевает схватить меня за запястье. Я поднимаю на него лицо, Слава свое опускает. Слишком близко. Меня словно током бьет. Слабеньким таким, как наэлектризованное шерстяное одеяло. Но чувствительно. Огромные зеленые глаза с золотым свечением бегают из стороны в сторону, туда-обратно, туда-обратно. И мой пульс учащается. Та самая венка, которую он прижимает пальцами, набухает и отдает молниеносными ударами сердца.

«Love is…». Опять этот баблгамовский[1] аромат. Невольно заглатываю его литрами. Слишком часто дышу.

– Отпусти! – я одергиваю руку, оставив телефон в его кармане, и украдкой гляжу на Ксюню.

Она деликатно прячется под капюшоном. Мне становится только хуже. Лучше бы смеялась.

Бархатов отшагивает запоздало и сам высовывает телефон из кармана.

– Держи. Мы реально помочь хотели. С другом мы сочтемся, за ним все равно должок.

– Бесплатный сыр только в мышеловке, – повторяю мамину фразу, которую слышу минимум раз в неделю, и принимаю телефон на вытянутой руке. Сама дрожу, словно боюсь более сильного электрического разряда.

– Это моя благодарность за помощь с платьем, – Ксюня срывает капюшон и лупит на меня невинными глазами.

Как же они оба меня бесят все-таки.

– Ты подумай. Дай мне знать, – она улыбается. – Если ты за личные данные боишься, можешь отформатировать. Или просто запаролить все приложения. Но Славин друг – слишком гик, чтобы ему была интересна чужая жизнь.

Они переглядываются и выдавливают по смешку. А мне противно. Наверное, от самой себя. Там ведь Анжеликино задание и мои заметки. Вся моя липовая искренность, в которую они так верят.

– Спасибо, – выцеживаю со вздохом, не поднимая лица. Уже должна привыкнуть к позорам, но каждый раз все равно как в первый.

Я разблокирую боковой клавишей смартфон. Трещины подсвечиваются белым. Экран располосован красивым узором, как зимнее окно. На мои пальцы реагирует плохо.

– Ну, ладно. Мы пошли. До завтра, – Ксюня хватает брата за рюкзак и тянет за собой к выходу.

– Пока, – бросает он небрежно, поначалу пятясь, а потом разворачивается к моему облегчению.

Когда дверь мастерской захлопывается, я падаю в кресло-мешок и накрываю лицо ладонями. Хочется разреветься, а не получается.

[1] Баблгамовский – от баблгам (англ. bubble gum – жвачка).

Глава 11

День отстой. Льет как из душа. Промозгло так. Может, я как Светоч из «Людей в черном», тоже влияю на погоду? Не знаю где паршивее, в моей сопливой душе или на улицах Питера. Канализации бурлят под ногами. Мощные потоки воды в них стекают. А на небе ни просвета. Весь горизонт усеян тучами.

Маме я так и не осмелилась рассказать про телефон. Зато полночи ставила пароли на все, где могут содержаться секреты. Я все-таки решилась воспользоваться добротой Бархатовых.

Так странно. Мы с Ксюней раньше максимум по рабочим вопросам в кружке общались, а теперь она готова починить мне телефон забесплатно. Телефон, который я сама разбила, по собственной глупости, ведь она совсем ни при чем. И Слава тоже.

Ну, он, понятно, ради сестры, кажись, на все готов. Повезло ей с братом.

Вспоминаю его вчерашний суетливый взгляд и прикосновение. Мурашки пробегают от запястья по вене к сердцу. Веду плечами, пытаясь их сбросить. Хочу мотнуть головой, но понимаю, что попадаю в ловушку.

На уши плотно садятся кожаные наушники. А в них уже музыка. Электронная. Биты как сердцебиение. Я даже не сразу понимаю, что это не мое. Затем лиричная мелодия спускается по позвоночнику в самый низ, а оттуда выстреливает громким басом в грудную клетку и там разлетается на осколки, словно множество хрустальных колокольчиков.

Разворачиваюсь круто и вижу перед собой довольное лицо Бархатова.

Разумеется. Другого и не ожидала.

Он показывает большой палец вверх и кивает снизу, спрашивает, каково. А я не слышу ничего вокруг. Звукоизоляция супер. Все обитатели гимназии словно пропали. Хотя я вижу их. Вон бегают семиклассники возле столовой. Завуч их разгоняет, неся кипу тетрадей. И вахтерша опять рычит на кого-то, только беззвучно, как пантомим.

Но мой взгляд приковывает стеклянная дверь. Там Анжелика идет по дорожке к крыльцу. Вот-вот поднимется и появится в холле. Надо спасаться.

Ничего не говоря, я хватаю Славу за руку и несусь к пожарной лестнице. Сейчас дождь, вряд ли туда кто-то сунется. Мы пробегаем весь коридор первого этажа на автопилоте. Возможно, Бархатов мне что-то и кричит, но я не слышу. Музыка отлично подгоняет. Мое сердце умеет ловить темп, оказывается. Подстраивается четко под биты. И еще долго не успокаивается, даже когда мы останавливаемся, врезавшись в каменные перила. Ветер ударяет моросью в лицо. Это меня встряхивает.

Бархатов высвобождает руку и отходит к противоположной стене, упираясь в нее лопатками. Сам тоже дышит тяжело. Указательным пальцем показывает мне снять наушники. Я слушаюсь.

– Не обязательно меня похищать, если хочешь побыть со мной наедине, малышка, – смеется он, положив руки на пояс.

– Да перестань уже мнить себя моим кумиром, – не выдерживаю и швыряю в него наушники.

Попадаю прямо в руки. К своей досаде.

Почему я такая злая? Так и хочется ему что-нибудь сломать. Или покусать. Не знаю, за что, просто бесит.

– Чего ты такая разъяренная? Зачем нестись сюда сломя голову? – парень оглядывается на глухую дверь, но никто в нее не долбится.

Я сама не знаю, как ответить на его вопрос. Выгляжу опять глупо. Надеюсь, ладонью об лоб вставлю мозги себе на место.

– Зачем ты мне наушники на голову надел?

– Дал послушать свой шедевр. Телефон же у тебя, походу, не работает, – Бархатов быстро меняет выражение лица на воодушевленное. – Прикинь, меня вчера такая муза накрыла, за ночь состряпал. Понравилось?

Он распахивает глаза широко и смотрит так пронзительно, что я теряюсь. То есть хочу ответить «да», но злость во мне все блокирует. Потому отворачиваюсь к улице.

– Что тебе мое скромное мнение?

На заднем дворе школы пусто. Только листва кружит над зеленым газоном, заполняя его желто-бурыми пятнами.

– Ну, ты первый сторонний человек, у которого я лично могу спросить честное мнение, – Бархатов подходит к перилам сбоку, примерно в шаге, и ставит локти на каменную поверхность, уже мокрую. – Друзья разбились на два лагеря. Одним все не нравится, типа по-дилетантски, а другим, наоборот, какое бы говно я ни произвел, все заходит. Наверное, просто боятся меня обидеть.

Я смотрю на него, улыбаясь невольно. Кажется, даже вижу, как звездная пудра слетает с довольного лица под дождь. Неужели его тщеславие, наконец, приземлилось?

– Я же твоя фанатка, как мне может не понравиться? – усмехаюсь.

– Ну, ты разве изначально моя фанатка не потому, что тебя музыка зацепила? Или как? – уголки его губ опускаются. – Сечешь, значит.

Мы дошли до таких откровений, мне даже хочется признаться ему, что я на самом деле вообще не фанатею ни от его музыки, ни от него самого, но чем ближе знакомлюсь с его творчеством, тем оно мне... больше заходит. Наверное, это ему было бы приятно услышать.

– Ну да, так, – я тоже ставлю локоть на перила и закрываюсь ладонью. От неловкости это не спасает. – У тебя клевая музыка.

Слава расплывается в улыбке и разворачивается ко мне корпусом.

– Ты не обязана хавать все, что я творю. Будь честной. Мне нужен такой бета-слушатель, на котором я смогу тестировать все свои сеты и треки.

– Я… не разбираюсь. Вообще.

– И не надо! – Бархатова это воодушевляет еще больше. – Ты и должна быть обывателем. А то знаешь, профдеформация, все дела. Я же не для других диджеев сеты готовлю. А для обычных людей. Ну, что, согласна быть моей бета?

Звучит, как предложение встречаться. У меня щеки краснеют. Но Бархатов невинен и искренен. Обезоруживающе.

У него реально огромные глаза. Прозрачные на свету. Видны даже малейшие рельефы дна радужки. Почему я так туда всматриваюсь?

Увожу взгляд в сторону и соглашаюсь.

– Отлично! – парень аж подпрыгивает на месте.

Во что я опять вписалась?

– Только перестань подкрадываться исподтишка и называть меня малышкой, – опосля выторговываю условия.

– Окей, – он просто пожимает плечами и разводит руки.

– И считать меня своей фанаткой, – я грожу пальцем.

Бархатов на это только усмехается и кивает.

– Все?

Я самодовольно выправляю плечи, мол, переговоры прошли успешно.

– Тогда забились, – он подмигивает и пятится к выходу.

Приоткрыв дверь, останавливается и уже без дурацкой улыбки спрашивает.

– Кстати, что с телефоном делать будешь?

Я разворачиваюсь. Точно, хотела же отдать его Ксюне на ремонт. А можно ведь сразу Славе.

– Буду благодарна, если вы его почините, – протягиваю ему смартфон, запинаясь на каждом слове.

– Да без проблем, – Бархатов выхватывает его резво и машет на прощание. – Скорее всего, уже завтра верну здоровым.

Он уходит, а я улыбаюсь вслед.

Только на уроке понимаю, что продолжаю лыбиться, когда учитель делает замечание моему глупому выражению лица. Поймав насмешку Коростылевой и неодобрение Валентина, я утыкаюсь в учебник. А в ушах играет Славин «шедевр». Биты въелись в память. Теперь прыгают по моим нервам. Не знаю, насколько это по-дилетантски, но звучно. Я даже вторю его ритму языком, слегка прищелкивая. И ножкой топаю, не касаясь пола.

С Ксюней мы опять пересекаемся в обед после второго урока. Я ей рассказываю, что Слава назначил меня бетой. Почти с гордостью.

– Оо, подруга, держись, – Ксюня крестит меня и смеется. – Он от тебя не отстанет.

Мне хочется сказать, что это я гораздо раньше поняла. И, походу, смирилась. Хуже не будет. Зато теперь у меня хотя бы не обидный статус фанатки, а более солидный – бета-слушатель. Кажется, рангом я поднялась. Но я не решаюсь это высказать.

Перекусив, мы разбегаемся по классам.

Глава 12

После третьего урока я опять занимаю очередь в столовой для компании. Сама задаюсь вопросом, зачем мне все это, но ответ приходит с Валентином. Да, все только ради него. Его скупая улыбка, холодный взгляд, спокойный голос – все окупает мои страдания. Жаль, он об этом и не подозревает.

Иногда меня так распирает признаться ему в чувствах. Потому что слишком сложно скрывать их в себе. Я такие глупости порой творю, рывками, бездумно, как на инстинктах. Он так смотрит всегда странно, но не высмеивает меня хотя бы и ничего не говорит. Только Коростылева подмечает мою неадекватность. И только тогда становится ужасно стыдно.

Бархатов с компанией в этот раз не появляются. Анжелика всю перемену его выглядывает, вертит, крутит головой, глазками стреляет. Впустую тратит зрение. Его бы сразу от дверей стало видно. И слышно.

После уроков у нас генеральная репетиция краковяка. Бал уже завтра. Я только теперь начинаю паниковать по поводу платья. Его у меня до сих пор нет.

Как представлю себя опять в мамином свадебном, блевать хочется. От страха. Анжелика вновь назовет меня неудавшейся невестой, высмеет мою старомодность на глазах у Валентина, похвалит за приверженность традициям. Я уже наперед знаю, какой стеб меня ждет.

Наверное, Валентин именно такой меня и видит: ванильной неуклюжей девочкой, жаждущей выйти замуж и не мечтающей ни о чем другом.

Вот Анжелика внесла в список вопросов «Мечта». Даже не спрашивая, я могу с уверенностью вписать туда ответ за Славу. Его страсть сразу всем ясна. И у Валентина такая же страсть к театру.

А у меня что? Получается, реально выйти замуж? Чего я вообще хочу?

Хореограф, Светлана Павловна, которая в начальной школе еще преподавала нам ритмику, просит нас встать по парам. Я танцую с Григорьевым, таким же неуклюжим и низким, как я. Только у него еще волосы сальные и воняет изо рта. Никто, кроме меня, с таким бы и не согласился танцевать. Но мы уже третий год подряд образуем пару.

Пары так и подбирали: лучшие к лучшим, средние со средними, а худшие друг с дружкой. Наверное, чтобы мы не сомневались, кто есть кто в классе, и не пытались высунуться из касты.

Валентин, разумеется, танцует с Анжеликой. Они грациозны, фавориты нашего класса. Идут всегда первыми. Все взгляды будут прикованы к ним. Марина Антоновна их специально учила пластике и основным движениям бальных танцев, чтобы они изящнее смотрелись на сцене.

Хм, интересно, с кем танцует Бархатов? Кто у них там в классе вообще считается красавицей? Кроме Белкиной, и девчонок вспомнить не могу. Таких ярких, как Коростылева, явно нет. Любопытно будет поглядеть на Бархатова в костюме, вальсирующим с мадмуазелью, без наушников и бейсболки. Даже фантазия вызывает у меня смешинку. Но сердитый взгляд Светланы Павловны мгновенно успокаивает.

Краковяк – так-то прикольный танец. Не слишком напряжный, не слишком скучный, всего в нем в меру: и темпа, и грации, и хореографии. Даже я справляюсь. Не без труда, а все же. Правда, с Григорьевым совсем беда. Я после каждой репетиции ухожу с оттоптанными ногами. Мы в который раз спотыкаемся друг о друга. И снова всех останавливаем.

– Ох, Лера, Федя, дорогие вы мои, – Светлана Павловна вздыхает так, будто нас уже не воскресить. И Анжелика очень кстати стучит каблучком, словно вбивает последние гвозди в наши гробы. – Что же мне с вами делать?

Она качает головой, как будто носит кокошник, а там, на самом деле, просто очень сложная прическа с двумя начесами и пучком. Потом зыркает на меня и Анжелику, на Григорьева и Валентина.

– А ну-ка, ребят, Лика, Валя, поменяйтесь с ними. Покажите им, как надо. Посмотрим, что выйдет.

У меня сердце взрывается конфетти. Господи, я такого подарка судьбы даже в день рождения не ожидала. Валентин. Будет. Со мной. Танцевать.

Да, понимаю, всего один раз, исключительно для демонстрации моей деревянности, и, скорее всего, останется мной недоволен. И все-таки это победа.

Учительница смотрит на часы и добавляет:

– Остальные молодцы. Свободны. Встретимся завтра на балу.

Во всем зале остаемся только мы впятером. Анжелика бесстыдно морщится, когда Григорьев к ней подходит. Бедный парень сразу сутулится и что-то мямлит.

Глупая, он же от нервов еще больше вспотеет и будет вонять сильнее.

Я переключаюсь на Валентина, который шагает ко мне благородной поступью. Он даже в джинсах и кардигане выглядит элегантно. Ему и костюм не нужен.

Валентин, как обычно, собран и сдержан. Не улыбается и не смотрит в лицо. Все время куда-нибудь в сторону, вправо, влево, вниз, вверх, только не прямо.

Ох, не чокнуться бы. Сердце уже взбесилось. Такие сальто крутит там, под ребрами. Во мне все вибрирует.

Но когда Валентин кладет руку на мою талию сзади, я замираю. Становлюсь масляной. Можно на хлеб намазывать. Меня обдает свежим ароматом бергамота. Чистый кислород. Кашляю с непривычки. Или от волнения.

– Расслабься, – тихо говорит Валентин и сглатывает. – Ты опять зажата.

Да как тут? Ты же так близко.

Я гляжу на него снизу, все пытаюсь выловить взгляд, не знаю зачем. Просто… Для меня это такой интимный момент. Хочется его прочувствовать, что ли. Понять, наконец, вызываю ли я в Валентине хоть что-нибудь. Он вообще за девушку меня принимает? Парни обычно тушуются в танцах.

Валентин, конечно, в себе уверен и безупречен, но… все равно, мне хочется его волновать. Как он меня.

Он ведет меня за руку по кругу. У меня ладони такие мокрые. Железы активизировались резко, вырабатывают пот литрами. Пальцы вот-вот выскользнут. Откуда во мне столько?

Я опять пытаюсь посмотреть Валентину в глаза, а он постоянно ими бегает по кругу и сглатывает.

Ему противно? Наверное, ему неприятны мои потные руки… Может, я и сама воняю, как Григорьев?

Блииин!

Нам приходится много притоптывать и крутиться. Навстречу друг другу и обратно. Каждый раз, когда он приближается, у меня падает сердце. Затем немного приподнимается на отдалении и грохается опять, еще сильнее. Я не могу долго выдерживать такой ритм. Любовь к Валентину меня доконает.

– Все, я больше не могу! – раздается поверх музыки. – Мне пора бежать.

Анжелика, вырвавшись из объятий Григорьева, несется к выходу и, только там оборачиваясь на хореографа, добавляет:

– Извините, до свидания.

Светлана Павловна сильно поджимает губы, так, что щеки медленно сдуваются, но и Григорьева тоже отпускает. Он уходит, совсем сгорбившись.

– Пока, Федя, – кричу я вслед, но парень то ли не слышит, то ли не желает реагировать.

Мы с Валентином встречаемся глазами. Наконец. Всего лишь на секунду. Он пожимает плечами.

– У вас-то будет еще пять минут? – учительница бросает на нас тяжелый взгляд. – У меня все равно сейчас следующий класс. Дольше не задержу.

Я молю ее глазами задержать нас подольше, но Светлана Павловна, кажется, не разбирает мое послание. Я здесь хоть до ночи готова торчать, лишь бы с Валентином. А он просто послушно кивает.

Мы снова пускаемся в пляс. Хотела бы я назвать его безудержным. Но нет. Я за Валентином периодически не поспеваю и топчу его белоснежные кроссовки. Он вежливо молчит, хотя сжимает челюсти каждый раз плотно.

Со скрипом дверей и гоготом в зал заваливается целая толпа. Очевидно, следующий класс. Я за секунду понимаю чей. Конечно, Бархатова, который громче всех. Опять рассказывает, что посмотрел вчера. Точнее, показывает. Изображает монстра, что-то между Годзиллой и Тираннозавром.

– Лер, не отвлекайся, – ворчит Валентин.

Я на секунду возвращаю ему взгляд, а потом опять смотрю на Бархатова. Потому что он спотыкается о собственный шнурок и шмякается на пол. Я не выдерживаю и хохочу в голос. Мой тонкий смех тонет в табунном ржаче его одноклассников.

Валентин опускает руки и отходит. Затем и музыка глохнет. Светлана Павловна тоже недовольна.

– Я цел, не паникуйте, – бурчит Слава, отряхиваясь.

Белкина протягивает ему руку. Дегтярев легко подтягивает друга за подмышки и ставит на ноги.

– Так, одиннадцатый «В», давайте, сегодня без этих выступлений. Генеральная репетиция все-таки, – такой злой я Светлану Павловну еще не видела. Нам с Валентином повезло, что она решила спустить всех собак на ребят. – И без хип-хопа этого вашего. Бархатов, сними бейсболку, будь добр.

Слава ловко встает по струнке смирно, но выдает слабую попытку воспротивиться, сжимая козырек двумя пальцами, как джентльмен шляпу.

– Я без нее не крутой, Светлана Павловна. Вы мой авторитет роняете.

– Ты его сейчас сам закопаешь этой самой бейсболкой! – хореограф, конечно, женщина воспитанная, и даже не рыпается в сторону хулигана, но ревет как Годзилла.

– Понял.

Бархатов отшвыривает бейсболку к вещам и попадает на чей-то рюкзак.

Светлана Павловна, наконец, обращает на нас с Валентином внимание.

– Ладно, Лера, идите. Спасибо тебе, Валя.

Мы с Валентином по краю двигаемся к выходу и рефлекторно останавливаемся, когда слышим громкий выкрик Дегтярева.

– О, Барх, фанатка твоя!

Двадцать с лишним пар глаз утыкаются в меня копьями.

Я благодарю вселенную за то, что хотя бы Анжелика ушла раньше. Но и Валентин смотрит вопросительно, хмурится, приподнимает бровь.

Бархатов улыбается и тычет в меня большим пальцем.

– Она больше не моя фанатка. Я повысил ее статус до бета-слушателя.

Многоголосье одноклассников протягивает одобрительное «Ооо». Только Белкина фыркает. Я краснею, но в последнее время делаю это так часто, что для меня, скорее, обычное состояние стало непривычным исключением. А сейчас я опять в своей шкуре.

– Твой фандом[1] – РПГ[2], что ли. Качаться надо? – смеется кто-то.

Я толкаю Валентина за локоть аккуратно, чтобы шел вперед, будто мы идем по узкой тропинке над пропастью, и я не могу его обойти. Он не сопротивляется.

– Лер, пока телефон в ремонте, с компа сиди в моем ТикТоке, – кричит Бархатов. – Седня новье выйдет. Не пропусти.

Мне так и хочется его заткнуть. Даже если он ни о чем не подозревает и не должен. Как и Валентин. На этот раз мы не останавливаемся.

– И вы все тоже, зайдите, зацените. Я Билли Айлиш ремикснул.

– Одиннадцатый «В» построились! – командует Светлана Павловна.

Ребята суетятся, переговариваются, каждый ищет своего партнера. Я оборачиваюсь и легко выслеживаю в этом муравейнике Славу. Он лыбится девице с золотой косой в голубом сарафане, приглашая ладонью на танец. Называет ее сударыней. Ласково, без издевки. Оттого, наверное, она и светится вся, будто месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит.

Закатываю глаза и выхожу вслед за Валентином. Дверь от нервов захлопываю так громко, будто ухожу навсегда и со скандалом. Валентин вздрагивает и останавливается в нескольких метрах. Оборачивается и впивается в меня взглядом. Таким странным, туманным, не просчитываемым. Впрочем, я и раньше его глаза никогда не умела читать. Боюсь смотреть в них слишком долго, чтобы не утонуть. Все равно в них мало… чувств. Порой мне думается, Валентин специально копит эмоции в обыденной жизни, чтобы потом выплескивать их на сцене.

В коридоре тихо и светло. Одна лампа в конце мигает и тихо щелкает. Я делаю два нерешительных шага вперед.

– Не знал, что ты фанатеешь от Бархатова, – он хмыкает и тоже движется к гардеробу.

Звучит вроде беспристрастно, а рождает ощущение, что меня обвиняют в проституции. Толком не могу понять, почему. Стыд не успел испариться, как снова в меня впитался.

– Я и не фанатею, – пожимаю плечами. – Это ему так хочется. У него звездная болезнь.

– Хм.

Минуту до самого гардероба мы молчим. Я все еще пристыженно озираюсь по сторонам, идя чуть позади Валентина. Он и темп держит ровным, не замедляется и не ускоряется.

– Ты сдала телефон в ремонт? Так сильно разбился? – он внезапно поворачивает ко мне лицо.

Меня это шугает и я, как дурочка, стопорюсь у входа, дав Валентину войти в гардероб первым. Лишь когда он теряется в куртках и вешалках, осмеливаюсь ответить:

– Ну, да. Слава сказал, что у него друг – умелец. Вроде как починит.

– Слава?

Между пустыми рейками я вижу, как Валентин слегка мотает головой.

– Ну, Слава. Бархатов, – поправляюсь и зачем-то добавляю. – Ксюнин брат.

– Хм.

Опять гнетущее молчание. Я судорожно пытаюсь сообразить, как бы нам пойти вместе. А еще лучше прокатиться на самокатах. Но, прежде чем нахожу подходящие слова, Валентин мне бросает через вешалку:

– Ладно, пока, – и уходит.

Я даже попрощаться в ответ не успеваю.

[1] Фандом – общество поклонников какого-либо артиста или произведения, например, фандом киновселенной «Марвел», фандом Аллы Пугачевой.

[2] РПГ – аббр. англ. RPG «Role-Playing Game» – компьютерная ролевая игра, предполагающая отыгрывание определенного персонажа и развитие его способностей, навыков, повышение уровня.

Глава 13

В пятницу с утра все обсуждают бал. А я, только придя в школу, с ужасом осознаю, что платья у меня нет. Остались считаные часы что-нибудь придумать. Или придется явиться в старом.

С мамой мы до сих пор не разговариваем. Она стала приходить еще позднее. Я успеваю и поужинать, и приготовить еду на следующий день, и уроки сделать к ее приходу. Она долго сидит на кухне, точно ждет, когда я засну. А я подолгу не могу уснуть. Смотрю Славины ролики в ТикТоке, потом другие, свайпаю до бесконечности. Хочется забить мозг под завязку хламом, лишь бы не зацикливаться на важном.

Выключаю ноутбук, когда слышу, что мама умывается в ванной. Значит, готовится ложиться. Отворачиваюсь к стенке и накрываюсь одеялом, а сама еще лежу и вслушиваюсь в ее тихий плач. Задаюсь вопросом, из-за меня это или нет.

С утра мама уходит рано. Мы тоже не пересекаемся. Странно. У нас такая маленькая квартирка, казалось бы, не столкнуться невозможно, а мы с мамой ухищряемся. Видимо, люди умеют отдаляться даже вблизи и в тесноте. Возможно, именно вблизи и в тесноте получается отдаляться гораздо глубже, чем на расстоянии.

Погода продолжает мое настроение. Нагнетает тучами. Без дождя еще терпимо, хотя все равно гнусно. Наверное, из-за предвкушаемого позора.

– Без паники! – Ксюня бодра и позитивна, можно сказать, полна вдохновения. Глаза светятся, улыбка искрит. Мне все еще непривычно видеть ее такой… раскрытой.

Мы обедаем в полупустой столовой, оттого голоса разлетаются эхом.

– У нас в мастерской там куча брошей. Ремень еще какой-нибудь подгоним. Мы обязательно что-нибудь придумаем.

Это «мы» очень меня утешает. Приятно, что в беде я остаюсь не одна, что кому-то есть дело до моих тряпок и нежелания позориться.

– Спасибо тебе, Ксюня, большое, – я расплываюсь в улыбке.

Она вскидывает брови.

– Мы еще ничего не сделали.

– Для меня это уже много.

– Да брось.

Ксюня качает головой и попадает подбородком в ложку, которую хотела проглотить. Содержимое супа плюхается обратно в тарелку. Мы обе смеемся, причем она громче. И шире, аж булочные крошки летят в стороны: под стол, мимо супа, мне в лицо.

– Ой, прости, – Ксюня на секунду затихает, но тут же прыскает еще громче.

Я деликатно отворачиваюсь. Что-то у них со Славой есть общее, наверное, наследственное.

– Ммм! – вскинув брови, она проглатывает воду, которой набрала полный рот, и восклицает. – Можешь меня макияжем отблагодарить. У тебя классно получается.

– Да? – удивляюсь.

– Ну, грим ты прикольно делаешь для спектаклей. Ну, и себя тоже.

Ксюня всматривается в мое лицо и кивает.

Себя я крашу вынужденно. Даже не думала, что это кто-то оценит. Я ведь просто рисую себе черты лица и немного дополняю оттенками для выразительности.

– Хорошо.

Интересно попробовать на ком-то еще. Ксюня сама по себе красивая, но кожа проблемнее, чем моя. Даже азарт просыпается.

Через урок на большой перемене я, как обычно, занимаю очередь. На этот раз прихожу седьмой. И передо мной, по уже не кажущемуся случайным стечению обстоятельств, компания Бархатова. Он как раз последний из всех. Я пользуюсь моментом, пока он меня не замечает, и изучаю его поднос. Там опять ватрушка с творогом.

Ха, кажется, любимое блюдо есть.

Я машинально тянусь за телефоном и, только прощупав пустой карман пиджака, понимаю, что его у меня нет. Он торчит как раз из Славиного бомбера. Даже хочется потянуться за ним, взять на пару секунд и вернуть. Но будет слишком палевно. Интересно, он уже починенный?

Бархатов, действительно, невнимательный. Я ему в спину дышу, где-то между лопатками, а он меня никак не замечает. Так увлеченно слушает Белкину, что меня это даже злит. Ну, неужели я настолько незаметная? Да он меня в коридорах школы в многолюдной толпе вылавливает, а тут…

Потом я себя успокаиваю тем, что так даже лучше. Анжелике не надо знать, что мы… общаемся.

– Барх, гляди, фанатки за тобой уже в очередь выстраиваются, – горланит Деготь.

Бархатов оборачивается и шарахается, будто призрака увидел.

Я наносила макияж с утра, интересно?

– Ты мне запретила исподтишка подкрадываться, а сама-то! – бурчит Слава и отходит поближе к Белкиной, таща за собой поднос по металлическому выступу, обрамляющему всю витрину столовой. Рыжая выглядывает из-за его широких плеч и прищуривается на меня. Тоже чем-то недовольна.

– Я просто в очереди стою.

Руки – крест-накрест, подбородок – в сторону. На месте остаться не получается, приходится двигаться за ним, а то сзади подталкивают.

– Она рассматривала твою еду, – доносит Дегтярев, уходя от кассы. – Берегись, а то подсыплет чего-нибудь, породнишься с унитазом. Фанатизм до добра не доводит.

– Да за кого вы меня?.. – от возмущения я даже закончить не могу.

Слава выдавливает смешок и махает рукой.

– Я же сказал, она теперь моя бета, а не фанатка.

Не хочется признавать, но гордость во мне просыпается, когда Бархатов это произносит. Бета звучит лучше. Как бы… достойно.

– Пардоньте, – Дегтярев кланяется мне головой, а у самого усмешка не слезает с лица. – Ты на нее значок повесь, что ли. Чтоб все видели.

Двое других парней в компании смеются. Белкина фыркает. А самая первая в очереди девчонка уже спешит занять стол.

Я двигаюсь за Славой к кассе без подноса.

– На правах беты позволь поинтересоваться, творожная ватрушка – это твое любимое блюдо? Ты постоянно ее берешь.

Откуда во мне столько смелости? Просто… просто… просто берется и все.

Я нагло заглядываю через парня в его поднос.

– Ты что следишь за мной? – он корчится.

– Я говорю, берегись, – Дегтярев склоняет голову набок и кивает настойчиво.

Все никак не сядет за стол. Ребята там уже расселись по кругу. Вообще-то.

– Следила. Когда была твоей фанаткой, – поразительно, я даже не краснею. Почему-то уверена, что Бархатова ничто не напряжет. Он явно смирился с издержками популярности. И даже наслаждается этим.

Невозмутимо открываю витрину и беру стакан с чем-то красным. Потом разберусь, что там.

– Я люблю лазанью. Но здесь такого не подают, – Бархатов цокает и движется вперед медленно. – Если ты собралась ее готовить для меня, пожалуйста, побольше сыра.

– Еще чего, – отпрянув, жду, когда он сам отойдет подальше.

– Но не рассчитывай. Путь к моему сердцу лежит не через желудок, – Слава скалится.

– А через что? Селезенку? – делаю глоток из стакана. Кисло.

Белкина, словно по моему приказу, хватает его за шиворот и тащит с собой на кассу. Больше они на меня не реагируют.

И слава богу.

Анжелика и остальные прибегают с опозданием. Мне приходится пропустить двух человек, чтобы их дождаться. Мы садимся за стол в противоположном конце зала. Я специально такой выбираю, чтобы не пересекаться с Бархатовым и его друзьями. Мало ли, ему приспичит опять что-нибудь выкинуть в мою сторону.

Расстояние не мешает Коростылевой поедать его глазами. Слава вообще кремень. Кажется, на него можно в упор смотреть, он все равно не почувствует. Валентин что-то опять рассказывает. Кузьмин громко чавкает. Еловская вздыхает.

Мы встаем, только когда компания Бархатова поднимается. Ребята несут подносы с грязной посудой к специальному окну. Я ставлю с краю пустой стакан и жду остальных. Слежу за Славой и его друзьями от нечего делать. Они почти исчезают в проеме, как Бархатов вдруг оборачивается и машет мне смартфоном. Моим. Уже без трещин.

– Кстати, Лер, держи, – парень замахивается, словно собрался метнуть им в меня.

– Только не кидай! – вскрикиваю суетливо, наблюдая за его рукой, которая готовится к броску, и за секунду оказываюсь рядом.

Слава, смеясь, передает мне телефон спокойно в руки, целым и невредимым, как обещал.

– Да я же не конченый придурок, не боись.

Только держа устройство в ладонях, я выдыхаю. И только тогда понимаю, что спалилась. В спину меня сверлит убийственный взгляд Анжелики. Я не вижу, но не сомневаюсь.

– Спасибо. Ксюне. Передай, – давлю пискляво каждое слово. Про себя сокрушаюсь, что не могу его даже поблагодарить нормально, по-человечески.

– Сама передашь, – бросает Бархатов и бежит за своими друзьями.

Когда их голоса стихают в коридоре, Анжелика впивает коготки в мое плечо.

– Поболтаем?

Она тащит меня в гардероб – ближайшее укромное место, где никого не должно быть. Остальные недоумевают, но не задают лишних вопросов. Анжелика не оставляет им возможности, так быстро уходит, что я еле поспеваю.

Там, за вешалками, она впечатывает меня в угол толчком в плечо. Аж сустав хрустит. Или что-то еще. Коростылева надвигается грозно, как анаконда. В беззвучии ее шагов лихая опасность. Никогда не знала, где та самая ложечка, под которой сосет от страха, и вот почувствовала. Так явно, что теперь никогда не забуду, где она у меня находится.

Звонок действует как дефибриллятор. Я резко пробуждаюсь и начинаю оправдываться.

– Лик, не думай, ничего такого. Это Ксюня мне решила помочь и отдала брату мой телефон на починку. Я его буквально пару дней знаю. И все. Мы с ним…

Анжелика останавливается в полушаге и топает ногой так, что я шугаюсь и скрючиваюсь. Я реально ее боюсь. Плечо до сих пор чувствует острые ногти.

Господи, сколько в ней силы? Да я тростинка по сравнению с этим бамбуком. Она меня переломает одной левой.

– Никаких *вас*с ним, – твердит Коростылева по слогам, и я перестаю дышать. Смотрю в карие глаза – в них сама тьма. – Иначе, ты же понимаешь, твой секрет узнает не только Валентин. Уж я постараюсь, чтобы это стало достоянием общественности. Слава не сможет не увидеть.

Выдыхай. Выдыхай. Выдохни уже.

Страх выплескивается из меня кашлем. Анжелика хмыкает и отступает.

– Это даже к лучшему, – она улыбается в окно, почесывая подбородок указательным и большим пальцами. Ногти сверкают алым блеском, а мне мерещатся дьявольские огоньки. – Сегодня на балу познакомь нас. Я как раз буду сногсшибательна.

– Что? – я проваливаюсь в угол, ссутулившись, и чуть скатываюсь по стене. – Но я… не настолько… хорошо его знаю…

– Не мои проблемы. Пусть сестра нас познакомит. Мне без разницы.

Почему я раньше не замечала, насколько вампирская у Анжелики улыбка? Ей даже клыки не нужны. Она кровь телекинетически выпить может.

– Задание все равно остается. Мне нужно больше информации, – ее костлявый палец тычет мне в грудную клетку. – На одних экшенах с комедиями далеко не уедешь. Давай добывай скорее. Кто его кумир? Какое место в городе любимое? Кого он недолюбливает? Мне все это нужно вчера!

Резкий рывок, и я прячу голову за руками машинально. А сама готова разреветься. Хочется возразить и затопать ногами. Я ведь столько о нем узнала всего-то за неделю.

Интересно, сколько она до этого по нему томно вздыхала, и номера телефона не зная?

Но я зажата в угол. Силенок не хватит даже блок поставить. Вынуждена молчать в тряпочку и со всем соглашаться.

– На балу, будь любезна, представь нас друг другу. Только никакого палева, ясно? – Анжелика опять придвигается и взглядом высасывает из меня душу. – Я хочу, чтобы это *он*за мной бегал.

– Ясно.

Глава 14

Я весь урок просиживаю на полу в углу гардероба. Меня, как лего, развалили на кусочки и бросили. Никак не собраться обратно.

Географичка, надеюсь, поверит в то, что у меня болел живот, и я провела урок в туалете. Лишние проблемы с учебой мне не нужны. Мама и так постоянно гнобит за безалаберность. И классная за каждую тройку устраивает целую лекцию. Причитает, какая раньше я была прилежная ученица, все успевала, старалась. Никак не поймет, что со мной стало. Раньше и учеба, вообще-то, проще была. А сейчас, блин, об одну алгебру с ее логарифмами мозг сломаешь.

Но сейчас я решить эти уравнения не могу по другим причинам. Их сразу тысяча. В голове все в кашу. Бал, платье, бал, Слава, бал, Валентин, бал… Анжелика.

Ох, за что мне это? И все из-за дурацкого силикона. Какая-то слишком большая жертва красоте получается.

После уроков все несутся домой, готовиться к балу, а я – в мастерскую. По той же причине. Ксюня прибегает через минуту, но сразу предупреждает:

– У меня есть максимум час, потом надо домой, переодеваться, все дела, – она извиняется глазами.

А мне неловко. Она и так слишком много для меня делает. И все бескорыстно. Даже не подозревает, почему я вообще изначально решила ей помочь с платьем. Так стыдно.

Блиин.

– Спасибо большое за телефон, – я тычу пальцем в новенький экран. Он отзывается моментально. Как будто даже система тормозить перестала. Может, тот умелец и в мозгах его покопался? Мне жутко некомфортно, что я так нагло воспользовалась Ксюниной щедростью.

– Давай я заплачу? А то как-то неудобно. Ты мне вон и с балом помогаешь. И экран наверняка денег стоил…

Ксюня бросает рюкзак под стол и подходит к зеркалу с другой стороны.

– Ой, да мне это тоже ничего не стоило. Славка там с другом расквитался. Не парься.

Слава… Хм.

Ловлю идиотское выражение лица в отражении. Отворачиваюсь. Пытаюсь вернуть себе серьезность. И сосредоточенность. Вздыхаю.

Надо будет его поблагодарить нормально.

– Итак, – Ксюня деловито сдувает челку со лба и упирает руки в бока. – У нас есть квадратный кусок органзы. И две полоски… – она щупает гардину, – скажем так, плотной ткани. Нам надо сделать из этого платье. Без единого шва. Ага.

– Еще вон броши, – я указываю на стол.

Там валяются в ряд всякие насекомые из эмали, жемчужинки, солнышки, ягодки и просто непонятные формы, которые мы использовали для костюмов в разное время. Я все детали бережно храню. Часто пригождается, не по разу. Потому коморка и превратилась в склад – накопилось.

– Ксюнь, можно я на тебе покручу? Со стороны как-то виднее, – наконец решаюсь спросить. Саму себя не повертишь как угодно перед зеркалом. Толком не рассмотреть вид сзади.

– Ну, окей.

Ксюня снимает с себя все тяжелое: джинсы, толстовку и встает перед зеркалом, не глядя в него.

Отлично, так гораздо удобнее.

Теперь я наворачиваю круги, а Ксюня вертится за мной. Я прикладываю к ней ткань, перематываю через талию, через шею, через плечи, по-разному. То одну полоску использую, то вторую. Пока не додумываюсь взять сразу обе. И вот оно!

Почему я сразу так не сделала?

Все думала, что одной гардины мне хватит. Да, материала много, но ее не перевязать толком, чтобы все было закрыто, и спина, и плечи. А две можно перекрестить и получить симметричный верх. И даже вырез снизу. Тюль сложу в несколько слоев, и будет шаль. Смогу накрыть плечи при необходимости. В любом случае лямки будут достаточно широкими. Узлы на плечах свяжу бантиками. Должно получиться нарядно.

Мы с Ксюней торопимся поменяться, пока она не ушла. Она перевязывает мне одну гардину под подмышкой и связывает два конца на противоположном плече. А на талии стягивает полы булавкой. Со второй гардиной делает то же самое с другой стороны. Вырез получается ровно посередине. Но ткани много, она спадает до самого пола и там еще укладывается волнами. Открытой остается лишь небольшой треугольник снизу.

– Супер! – восклицает Ксюня, отходя подальше. Смотрит таким экспертным взглядом, брови приподнимает по очереди, прикусывает верхнюю губу.

А я… не знаю. Получилось… платье. Да, на платье это точно похоже. И сам фасон оригинален. И, наверное, смотрелось бы неплохо. Будь я повыше. И пофигуристее. Не выглядело бы таким мешком, как на мне. Ткани многовато. Все лишнее убирается только в складки и в ненужный шлейф. Как в таком танцевать? Еще и с Григорьевым. В краковяке, как назло, много прыжков, не высоких, но частых.

Времени уже нет. Я смиряюсь. В свадебном я больше никуда не пойду. Даже на собственную свадьбу надену обычное вечернее платье. Назло маме. Пусть она свое платье на моей свадьбе носит. Хоть раз в нем в свет выйдет.

Аргх!

– Ну, что, встретимся здесь же, за полчаса? – Ксюня уже одной ногой в коридоре.

Я киваю, и дверь захлопывается. Мне тоже надо бы поторопиться. Сгонять домой, помыть голову, накраситься и вернуться сюда к половине пятого. Но я оттягиваю, надеясь таким образом отложить неизбежный позор.

В попытке успокоиться захожу в телеграм и слушаю сет, который Слава приготовил на сегодняшний бал. Классика в любой обработке остается классикой и действует целительно. А «в фирменной Барховской» еще и энергией заряжает. Слушаю и улыбаюсь, топая под каждый бит.

Провалявшись так минут двадцать, я накапливаю достаточно сил и поднимаюсь. До дома качусь на самокате, чтобы все успеть. Понимаю, что так меньше времени оставляю себе на прогулку в выходные, а значит, на Валентина, но не могу устоять перед соблазном. Катание избавляет от грузных мыслей. Вкупе со Славиным сетом вообще вставляет.

Домой я приезжаю обновленной.

Хорошо, что мама работает. Так бы обязательно сделала замечание моему «платью». Я закручиваю его как можно туже и закалываю булавками по бокам. Стараюсь повыше, чтобы прибрать шлейф. Затем еще подол укладываю волнами и прикалываю каждую малюсенькими булавками. Это сокращает его длину. Надеюсь, не буду спотыкаться во время краковяка. Как барышни раньше танцевали его на балах? Он слишком подвижен для дамских платьев.

Из моих тонких волос фиг сделаешь крутую прическу. Я просто начесываю объем, складываю сзади в пучок и фиксирую так. Две прядки выпускаю спереди, как гирлянды, закрутив их плойкой. Когда наношу косметику с пудрой и всем остальным, чувствую себя совсем кукольной. Одно неверное движение, и рассыплюсь.

В мастерской в ожидании Ксюни я опять подкалываю себя, подтягиваю подол и затягиваю потуже две занавески вокруг талии. И сзади, и спереди два глубоких разреза скрепляю дополнительными булавками. И сокрушаюсь, когда замечаю их блеск в зеркале.

Все же видно!

А времени уже совсем не осталось. Кажется, в этом году меня ждет еще больший позор. Выпендрилась. Доказала маме… Что? Что я идиотка?

Еще Анжелика со своим знакомством. Аргкх!

Как, по ее мнению, я должна это сделать, не спалив ее симпатии?

Хей, Слава, тут с тобой очень хочет познакомиться совсем не заинтересованная в тебе красотка. Может, глянешь?

Пфф… А выкручиваться мне… Стерва!

Ксюне я тоже никак не объясню, что есть еще одна Славина фанатка, которая не желает выдавать своих чувств. Гадство!

Я так топаю ногами, что чуть не срываю себе платье. Приходится подтягивать его заново.

Ладно, в таком наряде, кажется, можно творить любой кринж, хуже уже не сделаю. Ниже плинтуса не опозоришься.

В зеркале стоит жалкая неудачница. Если и принцесса, то лохов. Высоченные шпильки добавляют мне немного роста и много неудобств, а я все равно кажусь себе мелкой и мешковатой. И еще принт на шторах такой… Раньше мне казались красивыми эти огромные цветы и завитушки, а теперь понимаю, что платье из таких не делают. Смотрится убого.

– Оо, красавица, – утешает меня Ксюня, вбегая в мастерскую.

Смотрю на нее и обливаюсь завистью, и черной, и белой, и всех цветов радуги. Платье на ней сидит шикарно. Оголенное плечо создает нужную интригу, без пошлости, а все внимание на себя перенимает цветок на другом плече. Он огромнее моих роз, а сел как надо, в нужном месте, не выбивается из образа совсем. Жесткий корсет выделяет и без того тонкую талию. Пышная юбка скрывает все ненужное.

Превосходно! Я откровенно любуюсь Ксюней.

– А что, прически не будет? – смотрю на ее волосы, которые она просто распустила. Да, они слегка вьются на самых кончиках, но этого явно мало для локонов.

– А что, так не очень? – Ксюня быстро скисает и краснеет. Кажется, готова расплакаться.

– Сейчас все сделаем, – я ее успокаиваю жестом и принимаюсь за работу.

Волосы у нее пышные, густые, можно и без начеса. И даже лака понадобится по минимуму, чисто зафиксировать челку чуть набок, а то она висит прямо как шторка. Для естественного объема я накручиваю ей пряди плойкой и собираю их сзади в невысокий хвост. Сверху накалываю жемчужную заколку, одну из множества собственных. Вуаля!

– Вау! Офигенно! – Ксюня вертит головой туда-сюда, заставляя хвост пружиниться, а потом кидается меня обнимать.

Мне приходится ее оттягивать, чтобы не испортила мне и без того никудышное платье.

С макияжем Ксюня вообще королева. У нее огромный потенциал стать самой красивой девушкой в нашей гимназии к одиннадцатому классу. Вот совсем чуть-чуть похудеть, и я уверена, парни штабелями будут выкладываться. И актриса из нее получится суперская. И красивая, и талантливая. Надеюсь, она затмит когда-нибудь Анжелику.

Ксюня таращится на себя в зеркало и моргает, никак не поверит, что это она там отражается. Приближается, отходит, крутится. И хихикает.

– Ты – волшебница! – заявляет, оборачиваясь на меня. – Ты – моя крестная фея просто!

Мне приятно. Я смущенно пожимаю плечами. Хоть кто-то из нас почувствует себя принцессой сегодня. Мне, видно, не суждено стать главной героиней этой жизни.

Ну… феей тоже быть неплохо.

В зал мы выходим за пять минут до торжественного начала. Коридор забит пышными юбками и тонкими брюками. Парни все – стройные красавцы в черных костюмах и белых рубашках. А вот девушки – как цветочное поле, полное разнообразие палитры, фасонов и фактур. Кто во что горазд. Все лучатся то блестками, то пайетками, то шелками.

Мне ужасно стыдно. Боюсь поднимать глаза на кого-либо, чтобы не зацепиться и не отвечать на вопрос: «Как ты до такого докатилась?».

Глумливые взгляды до меня все равно долетают, как и смешки. Я уверена, что смеются и шушукуются обо мне. Потому что делают это сразу, как пройдут мимо, становятся тихими, едкими. И Ксюня смотрит с сожалением. Тоже все замечает.

Мда… На что я рассчитывала?

Мне теперь страшно явиться такой перед Валентином. И еще больше перед Анжеликой.

На входе в актовый зал нас с Ксюней разбивают по классам. Классные руководители собирают учеников и рассаживают по местам. Мы сидим где-то в середине. Ксюню я не успеваю выследить.

Меня сажают рядом с Анжеликой. Я замираю, когда вижу ее. Красота поражает. Чеканный профиль, лебединая шея, изысканный бюст – буквально все штампы в ней собраны, причем так гармонично, что не придраться. Макияж она нанесла аккуратный, не бросающийся в глаза, а такой естественный, что не отличимый. В то же время все подчеркнуто: острые скулы, выразительные глаза, чувственные губы. И прическа такая естественная, даже небрежная. Словно она заколола волосы в пучок как дома, на выходе из ванной. А пряди вывалились ровно так, как надо.

И платье… Роскошь. Из золотого атласа с красивым бисерным плетением спереди, которое кольцами обрамляет шею, как египетское ожерелье. Декольте закрыто, зато спина полностью голая. Там ни единого прыщика, даже родинки.

Сногсшибательна, не поспоришь. Слава точно влюбится. Уж такую красоту даже он не сможет не заметить.

Сердце опять проваливается. В пучину уныния.

Анжелика тоже на меня таращится и еле сдерживается от смеха, прикрываясь ладошкой.

– Боже, Лера, ты умеешь удивлять.

Она хватает меня за подол и рассматривает внимательно рисунок, потом изучает брошь на талии и на юбке, щупает накидку из тюля.

– Ахаха, – не выдерживает и корчится. – Да ты окно года просто! Шикарное оформление!

Я прикусываю язык челюстями, чтобы не убежать и не разреветься. Боль отвлекает от множественных насмешливых взглядов одноклассников. Многие не поняли Анжеликиного остроумия, но все равно хихикают и посматривают на меня с ядовитым любопытством.

– У моей бабушки в деревне такие же занавески, – поясняет Коростылева, оборачиваясь на остальных. – Уже лет двадцать ей служат верой и правдой. Отличный выбор.

Она кивает на меня и снова прыскает от смеха.

Ничего. Переживу. К стыду мне не привыкать.

Я напарываюсь на взгляд Валентина. И превращаюсь в прах. В нем нет издевки, только жалость. И это гораздо хуже.

– А почему ты, кстати, то свадебное платье не надела? – Анжелика смакует мой позор. – Отчаялась выйти замуж? По-моему, рановато.

Угомонись уже.

– Лик, успокойся, – Валентин, кажется, услышал мою безмолвную мольбу. – Начинается.

Коростылева хихикает и затихает. Я, наконец, могу сесть, но скорее, падаю в кресло, как тряпичная кукла.

Осенний бал, можно сказать, главное школьное мероприятие. На нем как бы подводятся итоги за предыдущий учебный год. Всех отличившихся учеников награждают значками, грамотами и призами. И учителей их воспитавших благодарят заодно.

Я еще ни разу ничего не получала, потому что ничем не отличалась. Зато Валентин с Анжеликой постоянно хватают звезды. Конечно, они участвуют во всяких конкурсных чтениях и выступают на городских мероприятиях в составе сборных трупп. Валентин к тому же учится

хорошо. Побеждает на олимпиадах по литературе и русскому языку. А Анжелика – в конкурсах красоты. Хотелось бы мне сказать, что незаслуженно, но нет. Даже сейчас смотрю на нее и задыхаюсь от зависти.

Сегодня Слава ее увидит.

Я быстро нахожу его в зале. Одиннадцатый «В» сидит в первых рядах справа. Бархатов сразу бросается в глаза шляпой-цилиндром.

Господи, он реально без головного убора не может. Напялил же…

Но ему идет. Вполне в духе всего мероприятия, между прочим. Цилиндр блестит, как виниловая пластинка. Его обрамляет красная ленточка. Шляпа высокая, там взрослый кролик легко поместится. Парень всех приветствует этим цилиндром, хвастается.

Я смеюсь про себя. Хоть что-то веселое за этот вечер.

Бал ведут двое учителей, физик и англичанка, как положено на престижных церемониях. Они объявляют номинации и вызывают лауреатов на сцену. Поют им дифирамбы, вручают подарки и заставляют прикалывать фосфорные звездочки на заднюю панель – типа доску почета. К концу бала она должна быть усыпана звездами как небосвод, по задумке.

После каждой номинации какой-нибудь класс танцует заготовленный танец.

Одиннадцатый «В» выходит вторым, они танцуют кадриль, как заведено после полонеза. Цилиндр Бархатова торчит из толпы маячком. Даже если захочешь посмотреть на других, не получится. Эта шляпа притягивает к себе все внимание.

Парни и девушки много крутятся, то парами, то хороводом. То девчонки выходят в центр круга, то парни. Потом еще кружатся по сцене, меняясь партнерами. Бархатов, кажется, со всеми перетанцевал. С Белкиной они танцуют последнюю партию. Она что-то шепчет ему на ухо, отчего Слава отталкивается, кружась, и одной ногой проваливается за сцену. Девушка не успевает его подхватить, и парень грохается на пол. Весь зал охает. Кто-то вскакивает. Белкина зажимает рот ладонями.

– Трюк выполнен профессионалом, не пытайтесь повторить, – Слава встает на ноги, поправляя растрепанные волосы, и машет руками высоко.

Все смеются. Дегтярев среди первых. Анжелика чуть ли не захлебывается, пытаясь перехохотать толпу.

Танец прерван окончательно, восстановлению не подлежит.

Цилиндр Бархатова подкатывается к ногам Светланы Павловны. Мне не видно ее лица, но я бы все деньги отдала, чтобы посмотреть. Кажется, грядет скандал.

Однако хореограф держит ярость в узде и только передает Славе шляпу. Он, весь красный, кланяется ей в пол и, надев цилиндр, убегает за своим классом.

Мы с Ксюней очень быстро находим друг друга глазами и обе мотаем головами.

Церемония продолжается. Атмосфера снова наполняется пафосом под торжественную музыку. Хотя Славина разрядка хорошо всех расслабила. Даже я стала меньше переживать из-за платья и предстоящего танца. Только перед самым выходом снова нагнетаю в себе панику.

Мы выходим последними. Я поднимаюсь на сцену как на публичную казнь. Ожидаю, как меня сейчас будут распарывать и снимать скальп. Пока мы идем, все уже косятся, смеются и шепчутся. Даже Светлана Павловна, которая внимательно следит за каждым танцем, сверлит меня такими упрекающими глазами, я аж слышу ее голос в своей голове: «Как ты могла так вырядиться, срамница? Ты позоришь сам краковяк!».

Григорьев сильно волнуется. Пот льется в три ручья. Он вытирает лицо платочком, который впору выжать. Мы подбадриваем друг друга неискренними улыбками. Позориться будем вместе, если что.

С музыкой пары по очереди подтягиваются на сцену и встраиваются в танец. Валентин с Анжеликой кружатся в центре, остальные – вокруг них. Мы с Григорьевым в самом углу

топчемся, почти за кулисами. Светлана Павловна – грамотный хореограф, расставила нас так, чтобы меньше рисков было испортить картинку для зрителя.

В этом платье только в музее стоять, за стеклянной витриной. Оно абсолютно не податливое и тянется при каждом движении, хотя сама ткань мягкая. Но я ее так стянула, что теперь с трудом дышу, кажется, перегнула малость.

Григорьев еще от нервов слишком крепко сжимает мою талию и притягивает меня к себе плотнее, чем нужно, словно хочет за мной спрятаться. Оттого мы постоянно спотыкаемся. Он давит на мое платье, оттягивая его вниз, а я из-за этого не могу нормально перемещаться по сцене. Да еще на шпильках. Я уже в собственных ногах начинаю путаться. И, когда Григорьев отталкивает меня в центр круга на вытянутой руке, а сам наступает на подол твердо, я натягиваюсь и валюсь наземь.

К счастью, платье остается на мне. Зал опять в ступоре.

– Красава, моя школа! – раздается со свистком, и все смеются, как по команде.

Узнав голос Бархатова, я сама хохочу. Мне даже не стыдно. Точнее, не так, как было до этого. От смеха я встать и не пытаюсь. Просто накрываю лицо ладонью и вздрагиваю от каждого смешка.

Светлана Павловна улыбается. Видимо, смирилась, что бал уже пошел не по плану.

На сцене появляются ведущие. Физик тоже смеется и говорит в микрофон:

– Ну, пожалуй, на этой веселой ноте мы и закончим нашу церемонию.

Все хлопают в ладоши.

Глава 15

После торжественной части нас ждет фуршет в столовой. Ученики несутся туда наперегонки. На осенний бал администрация всегда заказывает деликатесные пирожные с кокосовым кремом и ананасовым джемом. Невероятно вкусные. Наверное. Я не знаю, потому что никогда не пробовала, но все ими восхищаются. Сметают за секунды. Тут, как в дикой природе, никто ни с кем не считается и побеждает сильнейший.

В этот раз я даже не надеюсь отвоевать вкусняшку и плетусь в конце толпы. Мы с Ксюней удачно сходимся в потоке. Она смеется над моим и Славиным падением.

Столовая уже битком, когда мы до нее добираемся. Обычные столы и стулья убраны. К стенам прижаты высокие, узкие стойки, как барные. На них разложены закуски и расставлены напитки. Посуду нужно брать, где обычно. Только вместо потрескавшихся чашек и тарелок нас ждут пластиковые бокалы и приборы.

– Ксю! Ксю, я их добыл! – верещит Слава, подбегая к нам.

У него на тарелке те самые пирожные, аж две штуки. Он вручает сестре вилку. Она ничуть не удивляется и даже не благодарит его, будто так и надо.

– О, супер!

Сразу хапает одну пироженку и целиком засовывает в рот. Жует так смачно. Весь спектр наслаждения проявляется на довольном лице. Я сглатываю слюнки.

– Блин. Только не надо строить эти щенячьи глазки, – Бархатов косится на меня. Сам уже вооружился вилкой и держит наготове. Но его пирожное пока цело.

– Что? – я махаю рукой. – А, да нет…

– Ладно, на, – он сует мне и тарелку, и вилку. – Я их в прошлом году ел.

И отворачивается, скрестив руки. Я в шоке. Замираю на вечную секунду и гляжу на него во все глаза. Тарелку с пирожным и вилкой держу, как цари скипетр и державу на картинках из учебника истории. Не припомню случая, чтобы кто-нибудь еще был так ко мне добр и щедр.

– Не хочешь? – парень спрашивает с надеждой.

Ксюня улыбается.

– Хочу! – отвечаю моментально и хватаю пирожное с тарелки руками, без вилки. Еще не отошла от шока.

Кажется, я теперь зависима и все время ищу новой дозы стыда и смущения.

Сладость тает на языке. Я такого вкуса в жизни не испытывала. Ананас удачно разбавляет приторность. А кокос добавляет мягкости. Кайф длится всего несколько секунд, потому что от волнения я проглатываю пирожное, почти не прожевав. Там внутри вкусность смешивается с коктейлем чувств, которые я не могу разобрать. Все так запуталось.

Мне же надо познакомить его с Анжеликой.

– Вкусно? – Бархатов с тоской глядит на крошки, прилипшие к тарелке.

– Угу.

Я жую уже собственные губы, еще смакуя сладость во рту. И только через паузу догадываюсь его отблагодарить.

– Спасибо. Большое.

– Да не за что, – он снова легок и весел. Приподнимает шляпу, улыбаясь. Золотое свечение вокруг зрачка мне словно подмигивает.

Да, есть в его глазах… волшебство, что ли.

Бархатов резко меняет выражение на серьезное, даже сердитое.

– Кстати, Ксю, что с твоим лицом? Оно…

– Красивое? – Ксюня ведет плечами кокетливо и играет бровями.

Во мне просыпается гордость за ее макияж и прическу. Слава улыбается.

– Оно всегда красивое, – начинает ласково, а потом снова становится суровым. – Но сейчас чересчур.

Только у Ксюни опускаются уголки губ, как я вступаюсь. За нее и за свою работу.

– Ничего не чересчур! Это вечерний макияж. Вполне соответствует мероприятию.

Бархатов переводит на меня недоверчивый взгляд. Ксюня переманивает его обратно, обнимая меня за плечи.

– Это Лера меня накрасила. Скажи, классно? Мастерски!

Слава поджимает губы, выцеживая:

– Ну да, ну да.

Он растягивает Ксюнины щечки и мотает ее головой в стороны, разглядывая нюансы.

– Не спорю, на тридцатилетний юбилей было бы самое то. Но не в пятнадцать же.

– Ой! – взвываем мы с Ксюней одновременно.

Парень смеется и отпускает сестру наконец. Она отпихивает его еще дальше и отворачивается.

– Вау! – громко произносит Дегтярев.

Парень застывает в нескольких метрах от нас в толпе. Зачарован. Глаза лупит на Ксюню. В руке у него тоже тарелка с фирменным пирожным, но хватка ослабевает. Блюдо клонится набок, и пирожное скатывается вниз. Плюхается между лакированными носками его ботинок. Только тогда Дегтярев размораживается, смотрит вниз и тянет досадливо:

– Блииин. Я за него дрался, между прочим.

Покатые плечи опускаются.

– Выкуси победу, – отвечает Слава и разевает пасть от хохота.

Мы с Ксюней переглядываемся и тоже хихикаем. Дегтярев поднимает пирожное салфеткой и кладет обратно на тарелку, идя к нам.

– Надеюсь, ты не будешь это есть? – пугается Ксюня и таращит глаза на куски крема в грязи.

Парень принимает оскорбленный вид и возмущенно поднимает брови.

– Нет, конечно, – и глядит на испорченное лакомство, морщась, словно плачет. – Я, вообще-то, тебе его нес. Так за него боролся.

Ксюня смеется и хлопает его по плечу.

– Да не парься. Мне Слава уже принес. Я свое съела.

Мне хочется ударить себя по лбу, а заодно и Ксюню. Нет, они все-таки с братом одинаковые. Тугодумы еще те.

Смотрю на Дегтярева – размазан по стенке. Жалко пацана. Он смотрит на Бархатова и кивает удрученно. Берет пирожное в салфетке и впечатывает его в тарелку. По щекам пробегают желваки.

Бархатов хлопает друга по другому плечу с фальшивым сочувствием.

– Так всегда по жизни, бро.

Мы с Ксюней снова переглядываемся. Она тоже розовеет под тоналкой. Искусственный румянец насыщается.

Пока парни передразнивают друг друга, я озираюсь по сторонам. В ту же секунду натыкаюсь на Анжелику. Наверное, именно она и заставила меня отвлечься. Притягивает мое внимание и мимикой всячески намекает, что пора действовать.

Набираю побольше воздуха в грудь и медленно выдыхаю. Надо что-то придумать. Идея приходит мгновенно. Похоже, все это время фоном обрабатывалась мозгом и всплыла в нужный момент.

Я пишу Анжелике, чтобы она шла в мастерскую. А сама озвучиваю ребятам предложение, очень надеясь на то, что Ксюня меня поддержит. Вряд ли Слава без нее согласится. Хорошо, что здесь бонусом Дегтярев. Невольно станет моей приманкой.

– Ребят, а поиграть не хотите? Пока фуршет еще идет, – я внедряю в Ксюню взглядом убеждение, что ей это тоже нужно. – У нас в мастерской игры есть.

Краем глаза замечаю, как Анжелика шелестит платьем к выходу. Мне с каждым ее шагом становится тяжелее.

– Игры? – Слава усмехается с приподнятой бровью.

– Настольные. Обычные.

– Я за, – Дегтярев расцвел надеждой, поглядывает на Ксюню. А она – на него и пожимает плечами в знак согласия. Мой план, кажется, работает.

Бархатов смотрит на сестру, потом на друга и затем на меня.

– Ну, ладно.

– Отлично! – тяжелое платье не дает мне резво двигаться, так бы я подпрыгнула.

Мы спускаемся на минус первый этаж. Парни за нами громко разговаривают о своем, о музыке. Мы с Ксюней шагаем спереди. Молчим, только поглядываем друг на друга украдкой. Я вижу, как она волнуется, но улыбается счастливо. Мне не терпится остаться с ней наедине и все обсудить, но это подождет.

Сейчас есть о чем тревожиться. Слава вот-вот познакомится с Анжеликой. Почему я так этого боюсь?

В мастерской уже горит свет. Коростылева у зеркала, пудрит носик. Оборачивается на нас с заготовленной улыбкой и переигранным изумлением. Ксюня за секунду надувается и сверлит меня взглядом. Я тоже изображаю удивление и непричастность, и так же неумело. Парни сзади проталкивают нас внутрь.

Мне мерещится, что Анжелика вспыхивает радугой. Золотой атлас отражает ее сияние, как настоящий металл. В мастерской даже ярче становится.

– О, знакомьтесь, это Анжелика. Она тоже ходит в драмкружок, – я отступаю к стене, чтобы не мешать парням насладиться красотой.

Ксюня отходит в другую сторону.

– Здорова, Слава, – парень машет рукой и застывает на месте.

Анжелика улыбается и идет на нас медленно, поступью императрицы. Клеопатра, не меньше.

Из-за Бархатова выглядывает Дегтярев и кивает:

– Ваня, рад знакомству.

Ксюня внимательно следит за его выражением лица. Так же, как и я в Славе, пытается выискать признаки влюбленности.

– Очень приятно, – Коростылева подходит к Бархатову и складывает руки плавно перед собой в треугольник. Святая скромница. – Зовите меня Ликой.

– Аа, знаю тебя, всегда принцесс играешь? – Слава наводит на нее пистолет из пальцев и переглядывается с сестрой.

Она в подтверждение кивает. Я это замечаю, а Коростылева смотрит только на Бархатова, все никак не насмотрится.

– Да, в основном, – робея, Анжелика хлопает глазками и растекается в улыбке. – Ты ходишь на наши спектакли?

– Конечно. Если Ксю участвует.

Слава проходит к столу, где лежат в ряд черепа и инструменты.

– И я, между прочим, тоже ни одного не пропустил, – Дегтярев выпячивает грудь, скалясь. Но смотрит не на Анжелику, а на Ксюню. – Мойдодыр ваще зачет!

Ксюня тянется к голове рукой. Я понимаю ее жест – хочет натянуть капюшон на лицо, но сейчас там пусто. Поэтому она приглаживает челку, которая и без того хорошо зафиксирована лаком.

– Ух, ты черепушки, прикольно, – Слава берет одну и разглядывает внимательно, тычет указательным пальцем в глазницы, большим проводит по зубам.

– Это реквизит к спектаклю для Хэллоуина, – подскакивает к нему Анжелика и тоже хватается за череп. – Мы же сами все делаем.

Я делаю.

Так и прет сказать. Почему-то молчу. Мне нельзя вмешиваться, когда Коростылева флиртует. Поэтому я отхожу к зеркалу. Там рядом стеллаж со всякой всячиной и играми, которыми мы парней сюда и заманили. Нахожу мафию, данетки и шахматы.

Мда, ассортимент велик.

Ксюня подкрадывается ко мне сбоку, пока Слава с Анжеликой обсуждают Хэллоуинский спектакль. Коростылевой снова досталась роль принцессы в беде, а Валентин ее будет спасать. От меня.

– Блин, что она здесь делает? – ворчит шепотом Ксюня. – За все время раза три от силы сюда зашла. И то заблудившись.

Я улыбаюсь и пожимаю плечами.

– Носик пудрила, видимо.

Опять вру. Нагло. Но не в лицо, а делаю вид, будто увлечена надписями на упаковке мафии.

– О, Деготь, глянь, на тебя похож, – Бархатов пуляет в друга черепушкой.

Тот реагирует моментально и почти ловит пас, но реквизит прыгает с руки на руку. Дегтяреву удается только с третьего раза у самого пола его поймать.

Я не выдерживаю.

– Эй! Это не игрушки! Не бросайтесь ими!

Посмотрев сперва на Ксюню, Бархатов виновато прижимает голову к плечам.

– Упс.

Я отбираю череп у Дегтярева и кладу на стол показательно аккуратно. Только отхожу, как Слава берет второй и кидает обратно.

– А этот на Леру, такой же строгий, – замечает при этом.

Деготь в этот раз легко ловит и машет мне с улыбкой. Едва рыпаюсь в его сторону, череп летит обратно Бархатову через мою голову. Парень несется в другой угол комнаты с ним.

– Не буду я за вами гоняться как пятиклашка, – топаю ножкой, скрещиваю руки и отворачиваюсь гордо.

Бархатов останавливается и, перебрасывая череп из ладони в ладонь, протягивает умилительно:

– Ооо, малыш вырос.

Ксюня заливается смехом, а Коростылева мечет в меня возмущенный взгляд.

Блин, прямо сейчас прибьет. При всех. Без глаз и волос я точно стану похожей на один из этих черепов.

Спасаюсь резким рывком в сторону Бархатова. Рычу громко, надеюсь, что грозно:

– Хватит дурачиться!

– А то что? – Слава ничуть не шугается, даже бровью не ведет, разве что играет обеими высокомерно, и выставляет череп на ладони.

Неугомонный… гад.

Я озираюсь по комнате в поисках ответа. Никто и ничто не может его мне дать. Коростылева стоит с кислой миной. Ксюня, сидя в кресло-мешке, поправляет подол пышного платья, который растекся вокруг нее солнышком. Дегтярев топчется с ноги на ногу, готовый рвануть в любую секунду за игрушкой.

Анжелика выходит передо мной и обращается к Славе добреньким голосом:

– Гайс*, не издевайтесь над Лерой, пожалуйста. Она, действительно, переживает за реквизит.

Подойдя к Бархатову, она перенимает из его рук череп и прижимает к животу, как котенка.

– Ты нас сюда играть, вообще-то, позвала, – Слава обращается ко мне через ее голову. – А сама бука.

И надувает щеки, как карапуз. Не могу не улыбнуться, и, чтобы не выдать себя, показываю ему язык. Мотая головой, он возвращается к столу. Начинает теперь трогать инструменты: вату, кисточки, фольгу.

Вот бесячий…

– А я тебя тоже знаю, – осторожно произносит Анжелика, разворачиваясь за Бархатовым, и заправляет за ухо волосы. – Ты же диджеишь на дискотеках.

– И не только, – он скалится, прямо как череп, который лежит перед ним. – У меня еще ТикТок есть. Подписывайся. Диджей Барх.

– Обязательно, – Анжелика кокетливо закручивает локон на палец и подходит все ближе к Бархатову. – Я люблю электронную музыку. Даже сама немного играю на электрогитаре.

Вот кто твоя истинная фанатка. Че ты на нее свою звездную болезнь не распространяешь?

Дегтярев в то же время жмется по стенке к Ксюне. Каждый раз, когда мой взгляд его касается, он становится на шаг ближе к цели. Так в мультиках перемещаются персонажи, когда выключают и включают свет. Ксюня сидит в кресле и наблюдает за братом и Коростылевой, не без отвращения. Мы с ней периодически переглядываемся.

– У тебя парень есть? – спрашивает Бархатов, разворачиваясь корпусом к Анжелике. Она как раз встает рядом. – Для друга спрашиваю.

– Нет, – прилетает мгновенный ответ.

Мы с Ксюней снова переглядываемся, обе сжимаем челюсти и отворачиваемся. А Коростылева кусает губу победоносно и слегка покачивается, извивается по-змеиному.

– Блин, Деготь, ты карму почистил, что ли? – Бархатов кивает в сторону друга и ухмыляется.

– В смысле?

Тот корчится в недоумении, а самому до Ксюни остался всего шаг. Она только сейчас его замечает и тихо охает.

– Фартит тебе. Смотри, какой подарок судьба подкинула, – Бархатов тычет в Анжелику пальцем за ее спиной сверху. – Это куш!

Дегтярев мотает головой и фыркает.

– Я свой куш уже сорвал.

Анжелика напрягается и переводит прищур с одного парня на другого. А мы с Ксюней хихикаем, каждая про себя. Даже не переглядываемся, но я уверена, что она делает то же самое.

– В плане? – Бархатов хмурится с улыбкой. – У тебя же нет девушки.

– Ну да, нет, – Дегтярев ведет плечом.

– А кто тогда?

Дегтярев вертится на месте, делая шаг вперед, шаг назад, зачесывает ежик, кусает губы, а потом разворачивается к другу корпусом и выдает, словно на допросе после пыток:

– Сестра твоя, вот кто!

– Ах! – Ксюня откидывается в кресле и закрывает лицо подолом платья.

Бархатов каменеет надолго. Только моргает. Улыбка медленно сползает с лица. Так же медленно во взгляде нарастает гнев. На этот раз мы с Анжеликой переглядываемся. Она стоит с приподнятой бровью. Я четко читаю на ее лице: «Что за?», но мне пофиг. Не реагирую. У Ксюни тут такое случилось ведь! Я сама в шоке, не знаю, что сейчас будет. Предвкушаю скандал и жду с замиранием сердца.

– Только тронь ее, ушлепок! – Слава качает головой, набирая мощности.

Грудь сразу колесом, бычится. Забодает друга и не подумает.

Дегтярев не теряется, выпрямляется, становится серьезным и суровым. Он шире Бархатова и грознее. Но в том столько ярости, что шансы равны. Я не знаю, за кого болеть, потому метаю взгляд туда-обратно. Ксюня дышит под подолом часто, раздувая и вдувая ткань.

– А что, если трону? – Дегтярев делает последний шаг к Ксюне и становится опасно близко.

– Ну попробуй!

Дегтярев, действительно, берет и теребит Ксюню по голове. Даже подол слетает. Девчонка под ним вся розовая и потрепанная. Глаза таращит на каждого из нас по очереди. Почему-то напоминает мне Лунтика, который только родился.

– Вот подонок! – Слава запускает в друга тем, что попадается под руку. Затем еще и еще.

Мои черепа…

Дегтярев ловко уворачивается. В глазах азарт, а на лице задорная усмешка. Он бежит по кругу, вдоль стен, точнее, всякой мебели и хлама, которыми они заставлены. Слава кидает в него череп за черепом.

Я мысленно с ними прощаюсь. Хороню на кладбище неудавшегося реквизита, которое образовалось стихийно в углу мастерской.

– Стой, тварь! Я тебя так отделаю, на девчонок смотреть не сможешь.

– Не встречаемся мы. Она мне просто нравится, – на ходу оправдывается Дегтярев.

– Еще бы вы встречались.

– А что в этом плохого? – Дегтярев, наконец, останавливается и разводит руками. – Ну, нравится. Сердцу же не прикажешь. И вообще, у нее спроси сначала. Может, я ей тоже…

Он смотрит на Ксюню опасливо. Она еще в шоке. Рот приоткрыт, глаза хлопают.

– Да никогда в жизни! – Бархатов пуляет в Дегтярева последний череп со стола и попадает прямо в лицо, причем зубами в губы парня.

Мне уже смешно. Обидно, конечно, за реквизит, который мы с Ксюней так долго делали, но смех все перекрывает.

Дегтярев стукается головой об косяк двери и стекает по нему вниз, накрыв ладонью нос и рот. Ксюня вскакивает и подбегает к нему.

– Ваня! Ты в порядке? – получив в ответ большой палец вверх, огрызается на брата. – Че ты бесишься? Он мне тоже нравится!

– Что? – Слава опускает плечи и падает задом на пустой стол. Снимает шляпу драматично, закрывает глаза. Ворчит уже обессиленно. – Ты не знаешь, на что себя обрекаешь.

А я хохочу. Потому что стресс. Надо мной коршуном кружит тень Анжелики. Мне тоже скоро будет плохо, поэтому хочу навеселиться вдоволь.

Раздается рингтон на всю мастерскую. Слава поднимает трубку.

– Угу, иду.

Он треплет себя по волосам и, оставив на голове хаос, накрывает его шляпой.

Дегтярев уже стоит на ногах. Никаких ушибов или крови. Улыбается во все тридцать два зуба. Ксюня суетится вокруг, а сама светится от счастья. Бархатов направляется к выходу, который они наполовину занимают, и сверлит парочку обиженным взглядом. Ну, точно ребенок.

– Че, поснимать тебя? – спрашивает Дегтярев, когда друг проходит мимо в проем.

– Обойдусь, – мне даже кажется, что Слава ему сейчас в лицо плюнет, но оборачивается на меня. – Лера, пошли со мной. Мне нужен оператор.

Я оглядываюсь на Анжелику и быстро увожу взгляд, потому что она кипит от ярости. Еще бы. Ее тут все игнорили, а теперь вот Бархатов зовет меня с собой. Мне, конечно, приятно. До злорадства. Ох, самолюбие так и тешется. И не подозревала, насколько классное это чувство. Поэтому я шагаю за ним почетным караулом.

Ребятам на выходе подмигиваю. Ксюня меня обнимает и шепчет на ухо:
– Это все благодаря тебе. Если бы не твой макияж и прическа…
Я смеюсь. Гордость удваивается, хотя я точно знаю, что совсем ни при чем.
– Попробую с ним поговорить. Вдруг получится, – обещаю новоиспеченной паре.
Дегтярев молит меня руками, а Ксюня только вздыхает. И я бегу за Славой к лестнице.

[1] Гайс – англ. Guys – парни, ребята, народ

Глава 16

Бархатов идет размашисто и быстро. На поворотах до последнего упирается в стену, а потом резко сворачивает. Пугает меня предвкушением столкновения. И я больше переживаю за стены, ведь проломит – не заметит. Цилиндр выглядит бронебойным.

Мы доходим до актового зала без происшествий. За время нашего похода даже ни одна дверь не пострадала.

По коридорам снует народ: ученики, учителя. Все еще с напитками и закусками. В самом зале почти пусто. Слава заходит со служебного входа и ныряет в небольшую каморку без стен, которую ограждают от остального зала сцена, высокая стойка и куча оборудования.

Не знаю откуда, но на Славиной шее появляются наушники, едва он встает за пульт. Вся его фигура напряжена, лицо сердито. Движения оттого получаются резкими. Первый звук он сметает, перекрутив один из регуляторов. Мне приходится даже уши накрыть ладонями.

После этого парень подпрыгивает на месте несколько раз, тряся руками. Цилиндр скатывается набок. Я тянусь его поправить, чтобы не упал, и останавливаю тем самым Славу. Он хватается за шляпу первым и смотрит на меня молча. Думает точно не обо мне. А все равно неловко. Я отхожу и опираюсь на выступ стойки, склонив голову.

– Ты сказал, тебе оператор нужен? – хо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.